

INSPIRIA

КОГДА НАСТУПИТ НИКОГДА

БАРБАРА ДЭВИС

INSPIRIA

Novel. Мировые хиты Барбары Дэвис

Барбара Дэвис

Когда наступит никогда

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Дэвис Б.

Когда наступит никогда / Б. Дэвис — «Эксмо», 2018 — (Novel.
Мировые хиты Барбары Дэвис)

ISBN 978-5-04-174123-5

Кристин уверена с детства — никому нельзя верить. В этом мире для нее не существует безопасной гавани. На какое-то время она обрела счастье рядом с супругом Стивеном, популярным писателем. Но когда он попал в автокатастрофу вместе с неизвестной женщиной, что стало в прессе сенсацией, сравнимой с его лучшими романами, Кристин поняла — ее вновь предали. Что за женщина была в машине со Стивеном, какая между ними связь? И чем может помочь Кристин старый приятель Стивена, журналист Уэйд? Кристин отправляется в маленький провинциальный городок, где когда-то они со Стивеном провели медовый месяц, чтобы раз и навсегда решить для себя, кто она, чему ей верить и кто в ее жизни достоин занять по-настоящему важное место. «В книги Барбары Дэвис непременно влюбятся поклонники Кэтрин Райан Хайд и Люсинды Райли». — Booklist

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-174123-5

© Дэвис Б., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	7
Один	8
Два	13
Три	17
Четыре	24
Пять	26
Шесть	29
Семь	34
Восемь	37
Девять	40
Десять	42
Одиннадцать	44
Двенадцать	45
Тринадцать	49
Четырнадцать	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Барбара Дэвис

Когда наступит никогда

Barbara Davis

WHEN NEVER COMES

Copyright © 2018 by Barbara Davis

This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing,

www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Дарьи Сорокиной

Художественное оформление Натальи Каштыкиной

В оформлении переплета использованы фотографии:

© Mila Supinskaya Glashchenko, Yevhenii Chulovskyi, gornjak / Shutterstock.com и иллюстрация: © Olga Korneeva / Shutterstock.com

В оформлении форзаца использована иллюстрация: © Olga Korneeva / Shutterstock.com
и пиктограммы: © Palsur, Butenkov Aleksei / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Сорокина Д., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Тому, который жаждал на мне
вопреки всему.*

Мы только начали...

Пролог

*Монкс Корнер, Южная Каролина.
19 августа 1986 г.*

В комнате темно, но не совсем тихо. На окне колышется потертая занавеска, подрагивая на влажной жаре. Снаружи тишину наполняют голоса ночных существ – хор надорванных глоток и дребезжащих крыльев за рваной сеткой.

В кровати возле окна мечется среди спутанных простыней девочка в розовой ночной рубашке. Прелестный ребенок – с темными волосами, бледной кожей и бахромой черных ресниц. Ее хныканье перерастает в плач, рыдания, крики. Она и спит, и не спит одновременно, то бьется, то замирает, ее преследует кошмар, который она не осознает и не может назвать. Сны, что приходят почти каждую ночь, вернулись. Но сегодня никто не придет ее утешить. Ее мама снова отключилась на полу в ванной.

Один

*Клир Харбор, Мэн.
19 ноября 2016 г.*

Прозвучавший телефонный звонок вызвал удушливую панику, которую всегда провоцируют звонки в два часа ночи. Дезориентацию. Ужас. Уверенность, что произошло нечто страшное.

Кристин подскочила, хватая ртом воздух, и взяла с прикроватного столика телефон.

– Алло?

– Миссис Ладлоу?

– Да.

– Кристин Ладлоу?

– Да. Кто звонит?

– Миссис Ладлоу, это сержант Стэнли из полиции Клир Харбор. Прошу прощения за звонок, но мы уже некоторое время стучимся в вашу дверь. Нужно поговорить.

«Полиция?» Пульс резко ускорился, а по шее поползли знакомые мурашки.

– Что случилось? Что не так?

Голос в трубке звучал вежливо, но напряженно.

– Мы бы предпочли не телефонный разговор.

Через несколько мгновений Кристин уже открыла переднюю дверь и увидела двух офицеров без униформы.

– Что такое? Зачем вы здесь?

– Боюсь, дело в вашем супруге, мэм. Случилась авария. Его машина слетела с моста в залив Эхо-бэй.

У Кристин перехватило дыхание.

– Где он? Он в порядке? В какой он больнице?

– Ваш муж не в больнице, миссис Ладлоу. Он... Не выжил в аварии. Боюсь, нам нужен ближайший родственник для опознания тела.

Она молчала, осознавая услышанное. «Тело Стивена. Эхо-бэй».

– Мы готовы вас отвезти, – предложил сержант с вежливым сочувствием в голосе. «Ему отнюдь не впервые приходится стучать посреди ночи в чужую дверь, – вяло подумала Кристин. – Скольким женам, матерям, возлюбленным и подругам довелось пережить такой же визит?»

– Нет, – ответила она, чувствуя себя странно отрешенной, словно наблюдая за сценой издалека. Последнее, чего ей сейчас хотелось, – ехать на заднем сиденье полицейской машины. – Спасибо. Я доеду сама.

Сержант кивнул.

– Тогда мы подождем, пока вы оденетесь и сможете поехать за нами в участок.

Кристин кивнула, пытаясь осознать произошедшее – и предстоящее. Автор бестселлеров Стивен Ладлоу мертв, и она должна опознать его тело. Но сначала нужно одеться.

Нетвердой походкой она зашла в приемную полицейского участка Клир Харбор. Протертые черно-белые плиты пола, беспощадный флуоресцентный свет, тошнотворный запах под-

горевшего кофе и затхлого сигаретного дыма пробудили воспоминания о другой ночи – о другой катастрофе из прошлой жизни. Кристин прогнала мысли прочь. «*Разберись с нынешней катастрофой*». Если жизнь ее чему-то и научила, то именно этому.

Сержант Стэнли отошел поговорить с дежурным офицером, потом вернулся и с неловкой улыбкой показал на ряд синих пластиковых кресел вдоль стены.

– Если хотите, можете присесть. Мы вызвали человека, который проводит вас вниз.

Через несколько мгновений открылись железные двери лифта. К изумлению Кристин, в приемную вышла знакомая фигура. Дэниел Коннелли *был* близким другом Стивена, собутыльником и постоянным товарищем по играм в пятничном карточном клубе. Но Дэниел работает в отделе убийств, а Стивен погиб в аварии. Что Дэниел делает здесь в три часа ночи?

– Кристин. – Он взял ее за руки. Его ладони оказались горячими и слегка влажными. – Мне так жаль. Когда они поняли, что это Стивен, то позвонили мне. Подумали, может, будет легче, если бы я сам... Все тебе объяснил.

Кристин нахмурилась. «*Все тебе объяснил?*» Как-то странно он выразился, холодно и грубовато. Она освободила руки и попыталась незаметно вытереть ладони об куртку.

– Детектив, спасибо, что приехали в такое время.

– Пожалуйста, зови меня Дэнни.

Он был упитанный и коренастый, с полными румяными щеками и курчавыми седыми волосами. Они виделись лишь несколько раз, мельком, но она никогда не понимала симпатии Стивена к этому человеку – разве только детектив по убийствам был ценным источником информации и всегда с радостью делился сочными деталями за коробку сигар «Коиба» или бутылку хорошего виски.

– Думаю, пора приступать, – мрачно сказал Дэниел. – Ты готова?

Кристин кивнула. Другого выбора не было, если учесть, что тело ее мужа лежало где-то на каталке и ждало опознания. Она позволила Коннелли взять себя за локоть и отвести к лифтам, продолжая молчать, когда он нажал на кнопку с потертой буквой П. Значит, подвал. Стивен в подвале.

Когда двери снова открылись, Коннелли вышел, повернул налево и повел ее по облицованному белой плиткой коридору с рядом синих дверей. Остановился перед последней справа и потянулся к ручке. В голове у Кристин что-то тихо загудело, когда она уставилась на металлическую табличку с гравировкой: «**МОРГ**».

Коннелли посмотрел на Кристин:

– Ты в порядке?

Казалось, слова прозвучали издалека – словно их произнесли со дна очень глубокого колодца. Такого не может быть, это не реально. Но выражение лица Коннелли говорило об обратном. Сделав глубокий вдох, она посчитала до трех и кивнула. Сделав первый шаг, Кристин почувствовала на талии легкое, но твердое давление руки Коннелли и задалась вопросом, подталкивает ли он ее вперед или удерживает от падения назад. Несомненно, при нем падали в обморок, и не раз.

Войдя внутрь, Кристин слегка удивилась. Она готовилась к неприятным запахам – крови, разложения, формалина, – но в воздухе витал лишь легкий аромат хлорки. Небольшое милосердие, но милосердие. Кристин с ужасом пыталась ни на чем не задерживать взгляд, пока Коннелли вел ее в глубину комнаты: стерильного помещения с высокими потолками, флуоресцентными лампами и голубовато-серым полом.

Кристин старалась не смотреть на встроенные в пол сливные отверстия, не желая задумываться об их предназначении, и вместо этого разглядывала раковины-желоба у дальней стены. Справа тянулись пронумерованные дверцы – аккуратные ряды стальных квадратиков с тяжелыми металлическими люками. Скоро за одной из таких дверей будет Стивен. Она отвернулась, пытаясь прогнать эту мысль, но каждая деталь служила свежим напоминанием о цели

визита. А потом Кристин увидела ее – каталку, покрытую простой белой простыней. У Кристин сразу перехватило дух, и воздух в помещении будто похолодел.

Возле каталки спиной к ним стоял мужчина в поношенном лабораторном халате и что-то писал на планшете. Мужчина повернулся, словно почувствовав их приближение. Молодой, лет двадцати пяти, с рябым лицом и в грязных очках с толстыми стеклами. Он замер, словно ждал какого-то сигнала.

Коннелли опустил на плечо Кристин ладонь.

– Готова?

Кристин кивнула, не в силах произнести даже слово.

Он перевел взгляд на сотрудника.

– Давай, Райан.

Сотрудник убрал простыню. Кристин собрала волю в кулак и посмотрела на лежащее на каталке тело – в его восковое, бескровное, синюшно-белое лицо, осунувшееся после смерти, но устрашающе целое. Куртки на нем не было, верхние пуговицы рубашки расстегнуты, галстук развязан и сдвинут набок. Да, это Стивен. Даже если бы лицо разбилось, Кристин все равно узнала бы. Этот подбородок, как у Роберта Митчема, ни с чем не спутать. Но возникла и неприятная неестественность. Черты кинозвезды одрябли, слегка опухли, сохранив лишь слабое подобие мужчины, за которого она вышла замуж восемь лет назад. Неподражаемый шарм и тщательно выверенная харизма, делавшие Стивена Ладлоу любимцем журналистов всего мира, исчезли.

– Да, – хрипло сказала Кристин и откашлялась. – Да, это Стивен.

Она с облегчением увидела, что сотрудник морга вернул простыню на место, но все равно отвернулась от каталки.

– Что теперь?

– Медицинский эксперт определит причину смерти, – объяснил Коннелли. – Но, если учесть налечь на мосту, думаю, можно с уверенностью считать аварию несчастным случаем, а смерть наступила либо из-за самого падения, либо из-за утопления. – Он немного помолчал. – Прости мою прямоту, но вряд ли можно выразиться мягче.

Кристин моргнула.

– Да. Конечно. Могу я ехать домой?

– Тебе нужно подписать кое-какие документы. Но мы думали... – Он осекся и кашлянул, на мгновение отведя взгляд. – Мы надеялись, ты поможешь нам еще кое с чем.

Кристин почувствовала первые ледяные уколы тревоги. От странной перемены в голосе Коннелли, от его внезапного нежелания смотреть ей в глаза по затылку поползли мурашки.

– С чем именно нужно помочь?

Коннелли опустил взгляд и вздохнул.

– Вообще-то вопрос весьма деликатный. И мне очень хотелось бы тебя от него избавить. Но дело в том... – Дэниел осекся и перевел взгляд на каталку в противоположном конце помещения. – Нам нужна твоя помощь, Кристин.

Тревога переросла в ужас, когда Кристин, проследив за взглядом Коннелли, рассмотрела невнятный белый холм на второй каталке. Теперь Дэниел переминался с ноги на ногу, засунув руки глубоко в карманы.

– Помимо Стивена, мы вытащили из машины еще одно тело, – угрюмо сказал он. – К сожалению, вторую жертву опознать не удалось. Мы надеялись...

Сотрудник морга уже переместился к каталке, синие латексные перчатки выжидательно зависли над простыней. Коннелли коротко кивнул. Когда поднимали простыню, все молчали, и в этой тишине Кристин услышала, как где-то тикают часы. Тяжело. Глухо. Словно пульс. А потом перед ней оказалась женщина.

Мертвенно-бледная, с растрепанными светлыми волосами, похожими на запутанный, влажный нимб. С раной на лбу и тошнотворной вмятиной на правом виске. Остекленевшие глаза были открыты – пронзительно-лиловые, с бездонными зрачками. На ней не было одежды выше талии – Кристин увидела голую грудь, слишком большую и идеально круглую, чтобы быть созданной природой.

Кристин смотрела и никак не могла отвести взгляд. Проститутка? Подруга на одну ночь? Просто флирт или нечто большее? А если так, то *насколько* большее?

Коннелли прочистил горло.

– Ты не знаешь...

– Нет.

– Кристин, я понимаю, тебе нелегко, но прошу, подумай. Присмотрись внимательнее.

– Мне не нужно присматриваться. Я не знаю, кто она такая и что делала в машине моего мужа. – Внезапно голос Кристин дрогнул, и ей захотелось наброситься на детектива. – Так вот зачем ты здесь. Из-за нее. Потому что Стивен был твоим другом, и они подумали, что тебе удастся выяснить у меня имя. Вот что ты собирался мне *объяснить*. Под *всё* ты имел в виду ее.

– Кристин, я понимаю, как это выглядит. Представить не могу, какие сейчас тебя посещают мысли, но мы пока не знаем, что произошло. Не следует делать скоропалительных выводов.

– На ней нет рубашки, детектив.

– И этому вполне может найтись пристойное объяснение. Может, когда водолазы доставали ее из машины, ее одежду...

Он не договорил, и по выражению его лица стало ясно: он пришел к тому же выводу, что и она, – единственному возможному выводу, когда полуголую женщину достают среди ночи из машины мужчины.

Коннелли неловко переступил с ноги на ногу, опустив широкие плечи.

– Он... может, ты знаешь... с кем-то встречался?

Кристин глянула на него с негодованием.

– Ты спрашиваешь, знаю ли я про любовницу мужа? Словно мы обсуждали такие вещи за ужином?

– Прости. Знаешь, я просто подумал, женщины же чувствуют такие вещи. Женская интуиция, или как там...

Она бросила на детектива холодный взгляд.

Коннелли провел рукой по копне седых волос.

– Слушай, я всего лишь пытаюсь делать свою работу. Мне осталось отслужить в убийствах два года, и потом все. А пока я делаю, что прикажут. Когда они поняли, кого вытащили из залива, то попросили меня спуститься и поговорить с тобой. У нас тут неизвестная, чья семья захочет узнать, почему она не вернулась сегодня вечером домой. А мы не сможем им помочь, пока не установим личность.

Кристин разозлил намек, что, в определенном смысле, помочь опознать полуголую женщину – ее долг.

– Боюсь, я ничем не могу помочь, детектив. А теперь, если вы не против, мне хотелось бы вернуться домой. Я вроде должна подписать какие-то бумаги.

Коннелли принес планшет, на котором писал Райан. Дэниел указал на линию внизу страницы, а потом перевернул ее и указал еще на две линии. Кристин подписала, не читая, и сунула планшет детективу в руки.

– Мы закончили?

– На данный момент да. Когда медицинские эксперты закончат работу, я подготовлю для тебя копию отчета, и кто-нибудь позвонит, когда можно будет приехать за вещами.

Кристин непонимающе посмотрела на него.

– За вещами?

– Ключи. Бумажник. Телефон.

– Верно. Его вещи. – Она повернулась к двери, нащупывая в кармане собственные ключи.

– Сюда, – сказал Коннелли. – Давай провожу.

– Спасибо, не надо. Я найду выход. – Она понимала, что следует поблагодарить его за ночную работу, но почему-то не смогла себя заставить это сделать.

Она почти дошла до двери, когда он заговорил снова.

– Я очень тебе сочувствую, Кристин. Искренне сочувствую. Стивен был моим другом, но, кроме того, очень заметной публичной личностью. СМИ захотят узнать, что случилось. Я постараюсь сохранить подробности в тайне, но гарантировать ничего не могу.

Кристин кивнула и снова повернулась к двери, не совсем понимая, должна она чувствовать благодарность или ужас.

Два

В полпятого утра «Рейнджровер» Кристин наконец заехал в гараж. Какое-то время – Кристин сама не знала, как долго, – она просто сидела с открытой дверью и включенным двигателем. Скоро взойдет солнце, и начнется новый день. Надо будет делать звонки, обсуждать детали, но сейчас она не могла об этом думать. Она сидела в сумрачном свете приборной панели и удивлялась, как ее спокойный брак мог закончиться столь грандиозным крахом.

Кристин вышла замуж за звезду – завидная партия. Весьма неплохо для девушки из неблагополучной семьи. Стивен Ладлоу. Само имя уже вызывало уважение. И если он решил сгладить острые углы и сделать из Кристин приличную светскую даму, это было небольшой платой за обретенную стабильность. Но кем она стала теперь, когда Стивен умер? Брошенная на произвол судьбы вдова, исключенная из жизни, которая никогда ей не принадлежала.

Вдова.

Как такое вообще возможно? Она ведь даже не собиралась выходить замуж. Детство Кристин было тяжелым и коротким, как у большинства детей алкоголиков и наркоманов, и она твердо усвоила несколько уроков.

В десять лет она узнала, что постоянного адреса не бывает, в двенадцать – что ни одно обещание не священо, а в шестнадцать – что безопасности не существует. Были и другие уроки. Их отпечатки до сих пор хранятся в ее разуме – и на теле.

Она оттянула рукав пальто и уставилась на запястье, на три сияющих бледных шрама, похожих на маленькие полумесяцы. Ее значок выживания. Да, она кое-чему научилась, пока росла, – в частности, что бывает, если довериться не тем людям.

А потом встретила Стивена. Красивого и очаровательного, восходящую звезду литературного мира. Но еще привлекательнее оказалась его абсолютно спокойная реакция на заявление, что дети не входят в ее долгосрочные планы на жизнь. Похоже, он был даже доволен. Его тоже интересовала карьера. Во всяком случае, такой вывод сделала Кристин. Шесть месяцев спустя они поженились. Совсем не сказочная свадьба, но Кристин никогда и не верила в миф про «долго и счастливо». Как и в большинстве головокружительных романов, первые дни были полны новизны и химии, но со временем отношения переросли в безопасный, крепкий союз. Во всяком случае, она так думала.

Кристин посмотрела на часы. Почти пять. Как все могло настолько измениться за три часа? Но изменилось. Все, что она знала – или думала, что знала, – о собственной жизни и браке, внезапно перевернулось с ног на голову. Кристин закрыла глаза и откинулась на подголовник, дожидаясь слез. Но вместо этого голову заполнили образы – мертвенно-бледное лицо с вмятиной на виске, лиловые глаза, устремленные в пустоту.

«Кто она?»

Оцепеневшая Кристин оказалась не в состоянии раздумывать над этим вопросом – она слишком вымоталась, чтобы прокручивать в голове сценарии, ведущие к одному и тому же ужасному выводу. Она изнуренно потянулась за сумкой, лежавшей на пассажирском сиденье, и вылезла из машины.

Зайдя на кухню, Кристин на мгновение растерялась, словно случайно забрела в чужой дом. Хотя она привыкла, что дома никого нет. Последние несколько лет Стивен редко оставался здесь дольше чем на неделю. Ему постоянно приходилось куда-то ехать – очередной книжный тур, лекция, ток-шоу. Но теперь пустота ощущалась иначе. Будто после гибели Стивена дом потерял часть жизненной силы.

Впрочем, этот дом всегда был домом Стивена. Это он захотел купить особняк, где «Уорнер Бразерс» снимали финал «Прав жертвы» – фильма по его третьему роману, первому в серии хитов с рекордными сборами, – и договорился о сделке, даже не удосужившись посовет-

товаться с женой. Это случилось четыре года назад, и примерно тогда она начала понимать, сколь малую роль играет в собственном браке.

Кристин повалилась на диван и размотала шарф. Скоро взойдет солнце, на радиоволнах зазвучат утренние новости, у дверей разложат газеты. Ей нужно сделать несколько звонков: агент Стивена, их юрист, страховая компания. Ну хотя бы из семьи оповещать некого. Стивен тоже был единственным ребенком, и его родители умерли: отец – от инфаркта, когда Стивен еще учился в школе, а мать – от инсульта два года назад. Ужасный повод для радости, но, если учесть, что произошло, Кристин не представляла, как рассказала бы его родителям об аварии или встретила бы с ними на похоронах.

Она развязывала шнурки, когда на кухне зазвонил телефон. Пока Кристин шла, включился автоответчик. Она дождалась, пока проиграется запись, взяла трубку и услышала голос агента Стивена.

– Слушаю тебя, Гэри.

– Кристин, скажи, что это ошибка. Скажи, что в новостях лгут.

– Это не ошибка. Стивен мертв.

– Что произошло?

– В полиции сказали, на мосту было скользко. Его машина упала в залив Эхо-бэй.

– Господи, Кристин, мне так жаль. Это... Поверить не могу. Я думал, он едет в Нью-Йорк, на автограф-сессию в книжный «Стрэнд». Какого черта он делал возле Эхо-бэй?

Кристин крепче сжала трубку. Нет, она не скажет. Не сейчас. И вообще никогда, если получится.

– Наверное, рано закончил и пытался добраться домой. Разве это имеет значение?

– Нет, уже нет. Но ты уверена, что нет какой-то ошибки? Иногда полиция...

– Гэри, я его видела. Они заставили меня поехать на опознание тела.

– Господи Иисусе. Сочувствую. Должно быть, ужасно.

– Да.

– Нужно будет... – Он осекся. Ненадолго повисло молчание. – Слушай, не хочу показаться мерзавцем. Стивен был моим другом. Но нам нужно обсудить некоторые тонкости. Детали.

– Медицинские эксперты отдадут его тело, когда закончат. Сомневаюсь, что это займет дольше нескольких дней. Думаю, можно...

Гэри прервал ее, смущенно кашлянув.

– Кристин, я говорю не про подготовку к похоронам. Я имел в виду детали контракта, то, что происходит, когда умирает автор. Часть аванса за следующую книгу уже выплачена, а теперь...

– Теперь он ее не закончит.

– Да.

– Гэри, меня это не волнует. Никогда не волновало. Ты знаешь. Просто обо всем позаботься. Сделай, что следует.

– Хорошо, – согласился он, желая поскорее закрыть тему. – Вернемся к этому, когда ты немного придешь в себя. Я и не собирался заниматься сегодня. Просто хотел сказать – рано или поздно придется все обсудить. Я пока не разговаривал с «Ллойд энд Гриффин». Уверен, они все еще переваривают новость, но я жду, что телефон зазвонит в любую минуту. Полагаю, как и твой. Трагедии продают, и медиа накинется на эту с бешеным аппетитом, Кристин. Просто помни – ты не обязана говорить, пока не будешь готова. И вообще. Твое горе – исключительно твое дело. А я пока посмотрю, как в контракте Стивена прописаны вопросы редакторского контроля и роялти – сама знаешь, весьма внушительные. Я знаю, он назначил тебя своим правопреемником.

Кристин слишком устала, чтобы осознать услышанное.

– Я не знаю, что это значит.

– Значит, теперь судьбой работ Стивена распоряжаешься ты: вопросами авторского права, экранизаций и так далее. Но пока об этом не беспокойся. Сейчас нужно позаботиться о себе и пережить случившееся. Если тебе что-нибудь нужно, что угодно, просто позвони. Я серьезно, Кристин. Что угодно.

Закончив разговор, Кристин оцепенела. Она осознала лишь половину из сказанного Гэри и сомневалась, что вторая половина ее волнует. На самом деле она никогда не вникала в финансовые дела мужа. Все казалось довольно запутанным еще с тремя книгами. А теперь их одиннадцать, не считая «Фатальной франшизы», которая выходит через восемь недель. Кристин даже примерно не представляла, сколько у Стивена денег.

Приходили отчеты. Денежные средства поступали в банк. Счета оплачивались. Пока дела вел Стивен, знания Кристин ограничивались этим, и она была вполне довольна. Она никогда не любила разговоров о деньгах – возможно, потому что получала несравнимо меньше, работая редактором на фрилансе. Она даже не знала, как зовут их маклера.

Утомленная мыслями о предстоящих хлопотах, она поднялась в их со Стивеном спальню. Кристин отчаянно хотелось принять душ, но не хватало сил даже снять одежду. Вместо этого она почистила зубы и умылась. Она искала в аптечке ибупрофен, когда телефон зазвонил снова.

Незнакомый номер. Кристин дождалась переадресации на автоответчик и поморщилась, когда журналист из «Бостон глоуб» принес вежливые, но лаконичные соболезнования и перешел к делу, попросив об интервью. Едва сообщение закончилось, телефон зазвонил снова. На этот раз – «Портленд пресс геральд», а затем «Таймс», «Миррор» и «Даллас монин ньюс».

Кристин не снимала трубку. Сообщения практически не отличались – деланое сочувствие и просьба об интервью с вдовой. Когда телефон зазвонил в пятый раз, она выключила звонок, сделала то же самое с аппаратом на кухне и на всякий случай отключила мобильный. Гэри прав. Ее горе – и любые другие чувства – касается только ее.

Кристин по привычке поплелась на кухню и сделала кофе, а потом принялась бродить по дому с кружкой в руке, разглядывая вещи, накопленные за годы брака со Стивеном: стеклянная чаша ручной работы, купленная ими в маленьком магазинчике в Рокпорте; лампа из выброшенной на берег древесины, созданная художником из Портсмута; картина Томаса Арвида, купленная в медовый месяц. Как же это было давно.

Восемь лет.

Почему они промелькнули так быстро? И как она не заметила в Стивене изменений? А может, она просто *делала вид*, что не замечает?

Пытаясь отвлечься от мыслей, Кристин взяла пульт. Экран вспыхнул, и возникла пара говорящих голов в новостной программе канала WGME. Внизу экрана полз ярко-красный баннер с последними новостями. ПИСАТЕЛЬ СТИВЕН ЛАДЛОУ ПОГИБ В АВТОКАТАСТРОФЕ. Кристин было тяжело даже читать эти слова, но, когда на экране появилось лицо Стивена – портрет с обложки последней книги, – она опустилась на диван и включила звук.

– По сообщениям полиции, машина Ладлоу слетела с моста Эхо-бэй в холодные воды залива. Причины аварии еще выясняются, но, похоже, виноват гололед. Водолазы достали тело вскоре после полуночи. Наибольшую известность Ладлоу принесли детективные романы о Крейге Чайлдresse, несколько из них успешно экранизированы. Ладлоу жил в Клир Харбор, Мэн, с женой Кристин. Пара провела в браке восемь лет, детей у них нет.

– Нет, – сказала Кристин, выключив телевизор, когда начался сюжет про пожар в Портленде. – Детей нет.

Словно это кого-то касается. Разумеется, возникали вопросы. Неловкие, неудобные вопросы – она никогда не знала, как на них отвечать. «Детей пока нет? Давно пытаетесь?»

Не думали про ЭКО? А то в новом медицинском центре в Портленде есть прекрасный доктор с отличными результатами».

Она никогда не понимала, почему люди, особенно женщины, считают, что каждая женщина на планете испытывает острую потребность в размножении. Если бы они знали и видели то же, что и она, то поняли бы: есть вещи похуже бездетности – например, родить ребенка, о котором ты позаботишься не в состоянии, и оставить ему шрамы на всю жизнь.

Кристин встала, отнесла чашку на кухню и замерла возле раковины, глядя в окно. Пошел снег, и ленивые снежинки опускались словно маленькие белые перья. Шла третья неделя ноября – рановато для серьезного снегопада даже в Мэне, а значит, надолго он не задержится. Но вид все равно нагонял тоску.

Стивен любил зимы Новой Англии. Вернее, ему нравилась *идея* – пересидеть долгие, холодные месяцы, скрываясь в кабинете с высокими окнами, выходящими на море. Его привлекал образ – хотелось казаться именно таким. Впрочем, Стивен все делал ради образа. Карьера, дом и даже брак были тщательно подобраны словно для страниц глянцевого журнала – будто реальной жизни ему не хватало.

Возможно, это объясняло ту блондинку в морге. Но доказательств измены все равно не было. Возможно, Коннелли прав. Возможно, все иначе, чем выглядит. В любом случае детектив сдержал слово. О неизвестной девушке в новостях не сказали.

Внезапно она услышала хлопок закрывающейся автомобильной двери. Движение на Пулпит-Рок-роуд было спокойным даже в сезон – в основном местные на своих «Вольво» и «Субару», но после Дня труда, когда Клир Харбор пустела, машин практически не оставалось. Впрочем, иногда туристы шли на риск и игнорировали табличку «Частная дорога».

Кристин направилась в гостиную, с любопытством выглянула в окно и с ужасом обнаружила возле ворот несколько телевизионных фургонов – из-за огромных спутниковых тарелок они напоминали декорации к плохому научно-фантастическому фильму.

Господи, как они только успели?

Три

*Клир Харбор, Мэн.
26 ноября 2016 г.*

Понадобилось всего несколько дней, чтобы из местной трагедии смерть Стивена превратилась в национальное помешательство, и теперь, неделю спустя, стало невозможно включить телевизор и не наткнуться на очередной рассказ о непоправимой утрате литературного мира и уходе ярчайшей звезды. Но, словно этого было мало, количество фургонов за воротами росло день ото дня, и теперь к ним присоединились заглядывающие за забор журналисты.

Кристин только предстояло столкновение с этой толпой. До этого дня, помимо разговора с «Дорси энд Санс» насчет организации похорон, Кристин предпочитала ни с кем не видаться и зализывать раны в одиночестве, без телефонных звонков, газет или интернета. Но сегодня придется покинуть убежище. Сегодня похороны Стивена.

Проснувшись утром, она надеялась испытать нечто вроде облегчения – хотя бы *предчувствие* облегчения, – но ощутила лишь ужас. Она пропустила завтрак, пытаясь подыскать подходящую одежду. Теперь, спускаясь по лестнице, Кристин поймала собственное отражение в зеркале в конце коридора – призрак с потухшим взглядом, в костюме, купленном два года назад на похороны свекрови.

Кристин боялась предстоящего дня, содрогаясь при мысли о встрече с друзьями Стивена и необходимости играть роль скорбящей вдовы, хотя на самом деле была в тихой ярости. Сначала она не разрешала себе сердиться и провела первые дни будто в тумане. Казалось, злиться на недавно умершего человека как-то неправильно. Но потом в ней зародились гнев и любопытство и погнали в кабинет Стивена в поисках типичных улик – подозрительных отельных счетов, тайных писем, чеков на нижнее белье.

Сначала поиски не увенчались успехом. Но потом она обнаружила ежемесячные автоматические переводы на счет некоего ООО «Стар Пропертис». Название ни о чем не говорило. Вероятно, одна из фирм, куда Стивен обращался для организации мероприятий и составления пресс-релизов. Но, кроме того, Стивен регулярно переводил деньги на счет, обозначенный как ПУТЕШЕСТВИЯ, – 4000 долларов пятого числа каждого месяца. Хотя доказательством измены это тоже не назовешь. Вполне возможно, выплаты были законными бизнес-расходами или как-то относились к инвестициям Стивена. Но интуиция подсказывала другое.

В конце концов подтверждение нашлось на фотографии. Утомившись от поисков, Кристин присела за рабочий стол Стивена и принялась рассматривать фотографии на книжной полке, размышляя, как мало он постарел за эти годы, когда заметила, что на одном из снимков его взгляд направлен на небольшую группу наблюдателей.

И там, возле самой рамки, была она – в облегающих джинсах, на высоких каблуках, с тяжелым макияжем, – и она откровенно смотрела Стивену в глаза. От интимности момента у Кристин перехватило дыхание, и она даже попыталась вспомнить, обменивались ли они со Стивеном когда-нибудь похожими взглядами. Даже если такое и было, она не помнила. Это вина Стивена или ее? Мысль засела где-то в темных глубинах разума, словно камушек в ботинке – какое-то время на него можно не обращать внимания, но рано или поздно придется вытащить.

На каминной полке мягко пробили часы, напомнив Кристин о делах. Когда она забирала с кухонной столешницы сумку, взгляд упал на телефон. Кристин проверяла сообщения всю неделю, надеясь на новости от Коннелли, но пока тщетно.

Когда она нажала кнопку, ее ждали одиннадцать новых сообщений – от журналистов, коллег и даже соседей, которые узнали новости в Сарасоте или каком-то другом месте, куда

отправлялись, когда начинали опадать листья. Она удаляла их одно за другим, но замерла, когда кухню наполнил знакомый баритон.

– Кристин, это Гэри. Позвони, когда это услышишь.

Кристин нажала «Сохранить» и включила следующее сообщение, не желая общаться с агентом Стивена. Но оно тоже оказалось от Гэри. В его голосе звучало странное напряжение.

– Это снова я. Пожалуйста, перезвони и дай знать, что ты в порядке.

В порядке ли она?

Кристин выдохнула. Она ценила его заботу, но ее состояние в последние дни вряд ли можно было назвать «в порядке». Она снова нажала на кнопку. На этот раз Гэри говорил почти испуганно.

– Господи, Кристин. Куда ты запропастилась? Я уже второй день пытаюсь до тебя дозвониться и каждый раз натыкаюсь на чертов автоответчик. Позвони, когда получишь это сообщение. Нам нужно поговорить.

Посмотрев на часы, Кристин закатила глаза. Времени оставалось лишь на один телефонный звонок – явно не про авторские права. Она хотела – нет, *имела право* — хотя бы узнать имя женщины, которая умерла с ее мужем.

Номер Коннелли Кристин набрала на память – после четырех неудачных попыток она запомнила его наизусть. Не сказать, что она ожидала застать Дэниела на рабочем месте. Когда она звонила, он всегда был на каких-то расследованиях или на допросе. В этот раз ничего не изменилось.

Трубку сняла его сотрудница – она сообщила, что детектива Коннелли нет на месте, и перенаправила Кристин на голосовую почту. Кристин оставила очередное сообщение – насколько она помнила, пятое – и отключилась. Возможно, его постоянная недоступность лишь совпадение, но Кристин начала подозревать, что он избегает звонков. Возможно, он узнал больше, чем хотел, и пытался уберечь ее от правды. В таком случае он напрасно теряет время. Поезд ушел.

Кристин снова проверила время и взяла сумочку. Сегодня ей предстоит прощание с мужем. Но сперва придется прорваться сквозь толпу журналистов у ворот.

Обхватив руль липкими от пота ладонями, Кристи задом выехала из гаража на подъездную дорогу и потянулась к пульту. Когда Стивен настоял на установке глухого забора и ворот, чтобы отгородиться от сумасшедших фанатов и зевак, она назвала его параноиком, но теперь была благодарна. Хотя вряд ли Стивен предвидел, что зеваками окажутся журналисты, осаждающие его вдову.

Суматоха началась в этот момент, когда начали открываться ворота, – журналисты с блокнотами и камерами в телефонах пытались протиснуться внутрь словно красные муравьи. Видимо, они прочитали в «Геральде» сообщение о похоронах и надеялись урвать интервью прежде, чем Кристин покинет дом. Она осторожно надавила на педаль газа и двинулась дальше. Кристин задержала дыхание, сосредоточенно глядя в зеркало заднего вида, и въехала в толпу плотоядных лиц. Еще несколько метров, и она выберется из дома.

Она уже собиралась облегченно выдохнуть, когда мясистый кулак ударил в окно с водительской стороны. Кристин, сдавленно охнув, нажала на тормоза и повернулась к мужчине в красной парке, который прижимал к стеклу газету. И вдруг Кристин с ужасом поняла: журналисты собрались здесь не из-за похорон. Они хотели узнать ее реакцию на жуткое изображение, глядящее с первой страницы «Экзаминера», – пустые глаза неизвестной спутницы Стивена.

ГОЛАЯ И МЕРТВАЯ: ИЗ МАШИНЫ СТИВЕНА ЛАДЛОУ

ДОСТАЛИ ЗАГАДОЧНУЮ БЛОНДИНКУ

Когда Кристин прочла заголовок, мир пошатнулся – медленный толчок, заметный лишь ей одной. словно почувствовав ее смятение, журналисты принялись задавать вопросы, и голодный галдеж перерос в настоящее безумие. Она лихорадочно попыталась продумать путь к отступлению, но оказалась безнадежно отрезана и от дороги, и от открытой двери гаража. Придется бежать.

Они устремились к двери, едва ее ноги коснулись земли, – словно стая чаек к ребенку с картошкой фри. Кристин пришлось расталкивать толпу локтями, отчаянно упираясь взглядом во входную дверь. Как только получится войти в дом и запереться, она будет спасена. Но это понимали и журналисты, оттесняя ее от ступеней, – оставалось лишь пробиваться с боем.

Опустив голову, Кристин нырнула в толпу и принялась протискиваться среди алчущих лиц, которые словно слились в одну жадную сущность, блокируя ей путь. Когда Кристин наконец добралась до входа в дом, она почти плакала и едва не выронила ключ. Она потеряла по дороге шарф, верхняя пуговица пиджака болталась на одной нитке, но Кристин было плевать. Главное – добраться до убежища.

– Миссис Ладлоу! – внезапно выбился из общего гула женский голос. – Вы знали женщину, которую достали из машины вашего мужа в день его смерти? Состояли ли они в сексуальной связи?

Все сразу утихло, дожидаясь ответа. Когда его не последовало, вопросы возобновились.

– Вы можете прокомментировать тот факт, что на ней не было одежды, когда ее достали из машины?

– Полиция пока не огласила личность женщины. Вы можете назвать ее имя?

– Вам известно, как долго продолжались отношения?

– Были ли и другие женщины или она первая?

Вставляя ключ в скважину, Кристин едва сдерживала рыдания. Оказавшись внутри и закрывшись на замок, она уже сглатывала слезы. Она сама не знала, как долго простояла на одном месте, неспособная даже пошевелить ногами, но вдруг почувствовала – ее сейчас вырвет. В панике она бросила сумочку и побежала к кухонной раковине. Кристин никогда не любила толпу, но армия журналистов со шквалом вопросов о любовнице ее погибшего мужа – совершенно новый уровень дискомфорта.

Кристин умылась, достала из холодильника бутылку воды и вернулась в гостиную, стараясь избегать окон. Сумочка по-прежнему лежала на полу. Кристин наклонилась ее поднять и замерла, увидев внутри мятый экземпляр «Экзаминера» – несомненно, дело рук журналистов.

Кристин дрожащими руками расправила бумагу. Фото явно сделано в морге. Но кем? И как оно оказалось на обложке популярной газеты? Лицо неизвестной смотрело на нее с зернистого черно-белого снимка, и некогда яркие лиловые глаза обрели невнятный серый оттенок. Сбрав силу воли в кулак, Кристин пролистнула газету и нашла статью на две страницы с очередным скандальным заголовком:

ВЫ ЗНАЕТЕ ЭТУ ЖЕНЩИНУ?

К статье прилагались четыре дополнительные фотографии – одна неприятнее другой. На первой – сильно увеличенной и размытой – явно виднелось родимое пятно в форме полумесяца на правой груди погибшей, обведенное ярко-красными чернилами. Еще два снимка лица: один – в фас, другой – в профиль. На последнем снимке она лежала на каталке, и отполированный ноготь пальца правой ноги выглядывал из-под простыни, скрывающей нижнюю часть тела.

Сама статья оказалась не лучше – со множеством мрачных намеков и жутких инсинуаций, хотя, судя по уликам, напрашивалось одно-единственное очевидное заключение. Кристин рассмотрела черные квадраты, прикрывающие груди женщины – явно с целью скорее привлечь внимание, чем соблюсти приличия. Все в статье – откровенные фотографии, имя знаменитости, безвременная гибель красивой блондинки – создавало атмосферу эротической трагедии, намеренно пробуждая в памяти фамилии вроде Мэнсфилд или Монро. Только у этой блондинки фамилии *не было*.

Хотя момент, когда журналисты выяснят ее личность и раскопают оставшуюся часть истории, – лишь вопрос времени. Поборов очередной приступ рвоты, Кристин взяла пульт и принялась переключать каналы. И совсем скоро – всего через три клика – на экране появилось лицо Стивена. И ее собственное лицо. Фотография, сделанная три года назад во время отпуска на Барбадосе. Где они ее достали?

«Стивен и Кристин Ладлоу поженились в 2007 году, – рассказывал ведущий, когда на экране появилась очередная порция фотографий. – Их брак был во всех смыслах счастливым. Но последняя информация заставляет задуматься, не состоял ли Ладлоу в связи с недостаточно одетой женщиной, чьи фотографии появились в нескольких газетах. Когда водолазы извлекли ее тело из автомобиля Ладлоу, никаких опознавательных знаков обнаружено не было. По сообщениям властей, в данный момент проводится расследование. Супруга Ладлоу от комментариев отказалась. Мы сообщим вам, как только появится новая информация».

Кристин нажала на кнопку, переключая каналы кабельного телевидения. История звучала отовсюду. Разные говорящие головы, разные фотографии, но суть одна. Знаменитый писатель погиб, изменяя жене с загадочной блондинкой. Только теперь новость касалась не только Стивена и незнакомки. Теперь она касалась и Кристин.

Она пошла на кухню, взяла телефон и набрала номер полиции Клир Харбор. На этот раз, когда ответил дежурный сотрудник, Кристин отказалась оставлять сообщение на автоответчик.

– Нет, я *не хочу* оставлять сообщение, – раздраженно рявкнула она. – Я уже оставляла. Пять раз, а толку ноль. Поэтому я прошу вас пойти и отыскать его прямо сейчас. И не надо рассказывать, что он на допросе или на выезде по делу. Я и есть дело. Мой покойный супруг – дело. Так что, если вы не хотите, чтобы я заявила к вам лично, позовите его к телефону.

Ответа не последовало – лишь короткий щелчок и пустая тишина. Дожидаясь, Кристин подняла с пола бутылку с водой и приложила ее к щеке, а потом к шее. Она гадала, какую отговорку они найдут на этот раз, и чуть не выронила трубку, когда услышала голос Коннелли.

– Кристин, прости. Я погряз в работе. Уверен, ты видела... что произошло.

– Да, видела, – резко ответила Кристин. – Я видела: дорога к моему дому настолько переполнена журналистами, что я не могу проехать на похороны мужа. Ты вроде обещал сохранить все в секрете.

Последовала долгая пауза, а затем Коннелли резко кашлянул.

– Произошла утечка, Кристин. К сожалению, иногда такое случается. Если начальство узнает, кто именно это был, его уволят, но джинн уже вырвался из бутылки.

– Джинн вырвался из бутылки? И ты говоришь мне это после того, как журналист ткнул мне в лицо фотографию вашей полуголой жертвы? Вот как я узнала про утечку. Не по телефону, а от шайки репортеров под моей дверью.

– Кристин, я не хотел, прости. Но все уже случилось. Фотографии опубликованы, и медиа хотят знать, что нам известно.

– И что же вам известно?

Очередная долгая пауза и тяжелый, медленный выдох.

– К сожалению, немногим больше, чем в ночь происшествия. Сегодня утром, когда опубликовали фотографии, появилось несколько наводок. Мы проверяем их, но в таких делах очень часто бывает ложный след. Так что пока ничего конкретного. Кем бы она ни была, ее никто не ищет. Во всяком случае, на данный момент.

– А мне что делать? Я живу на частной дороге и не могу выбраться из дома. Они практически оккупировали мое крыльцо. Я даже ворота закрыть не могу.

– Я отправлю машину, чтобы выгнать их с частной собственности и очистить улицу. Не могу гарантировать, что они не вернуться, но ты хотя бы сможешь выдохнуть.

– И ты позвонишь мне, когда наконец что-нибудь узнаешь?

– Кристин, – его голос прозвучал до противного по-отечески, – иногда лучший вариант – просто жить дальше и вспоминать хорошие времена, а не заикливаться на плохом. Имя ничего не изменит. Почему бы не оставить полицейские дела нам, м-м?

– Потому что речь не о полицейских делах, детектив. Речь о моей жизни. О моем муже. О моем браке. О моем доме. Пожалуйста, не нужно снисхождения. Насколько я вижу, право жены узнать правду наталкивается на желание дружка по покеру скрыть непристойные подробности. Если вдуматься, ты выглядел не слишком удивленным из-за женщины в машине моего мужа.

– Кристин...

– Ты знал, верно? Может, не ее имя, но ты знал, что она существует.

Еще один вздох, еще более тяжкий.

– Я не был уверен, но подозревал. Иногда он о подобном упоминал. Ничего конкретного, так... кое-что. Но имени он никогда не называл, а я и не спрашивал.

– Разумеется. Это бы нарушило правила.

– Правила?

– Клуба изменщиков, или как вы там его называете? Один за всех, и все за одного. Это ведь так работает?

– Слушай, Кристин, я понимаю, тебе пришлось нелегко, но я уверен в одном – Стивен...

– Не надо! – отрезала она, перебив Дэниела. – Даже не смей говорить о его любви ко мне. Я позвонила не для того, чтобы ты убедил меня, будто полуголая женщина в машине моего мужа ничего не значит. Для меня – значит. И думаю, я имею право хотя бы узнать ее имя – и не из газет. Прошла уже неделя, и, честно говоря, я подозреваю, что ты бегаешь от меня намеренно.

– В чем ты меня обвиняешь? – Покровительственность исчезла, ее сменила сердитая осторожность.

– Я ни в чем тебя не обвиняю. Просто хочу узнать имя. И телефон или адрес человека, который сможет рассказать об отношениях моего мужа с этой женщиной.

– Послушай, у меня нет такой информации, но даже если бы была, я бы не мог ее сообщить. У жертв есть права, Кристин. И у их близких. Другими словами, существуют определенные правила. И если мы их нарушим, начнутся проблемы. Я проработал здесь кучу лет и посмотрелся всякого дерьма. На данный момент мое единственное желание – мирно уйти на покой и провести несколько лет на маленькой яхте на архипелаге Флорида-Кис. И я не стану рисковать шеей, даже ради жены друга. Понимаю, звучит жестко, но я вынужден думать о себе. Смерть Стивена даже не была убийством, а значит, тебе вообще следует обсуждать ее не со мной. Тут, скорее, дело о пропавшей без вести, хотя пока заявок по ней не поступало. В любом случае это вне моей компетенции. А теперь мне надо работать. Я пришлю патрульную машину, но больше сделать ничего не могу, прости.

И Дэниел Коннелли положил трубку.

Кристин еще стояла возле столешницы, размышляя, почему ее так отшили, когда телефон зазвонил снова. Она схватила трубку, надеясь, что Коннелли передумал. Но это оказались «Дорси энд Санс». В суматохе она забыла, что друзья и коллеги Стивена собираются воздать ему дань памяти и недоумевают, где его вдова.

Как оказалось, она зря тревожилась. Шквал новостей сократил количество скорбящих до неловкой горстки. Впрочем, совершенно неудивительно. Какой здравомыслящий человек захочет смотреть ей в глаза, а тем более разглагольствовать о том, за какого прекрасного парня она вышла замуж?

Выражаясь как можно туманнее, Кристин объяснила, что задержалась по непреодолимым обстоятельствам и вряд ли сможет добраться в ближайшее время. Мистер Дорси – видимо, один из сыновей – с максимальной деликатностью осведомился, как поступить. Она посоветовала ему отменить церемонию и просто провести кремацию, и он с болезненной вежливостью согласился. Он ничего не сказал, но, несомненно, видел фотографии. Их уже видели все. Старая поговорка оказалась правдивой – жена действительно узнала последней.

Два часа спустя за окном послышался резкий вой полицейской сирены. Кристин поспешила к окну гостиной и увидела, как к ее дому подъезжает патрульный автомобиль с синими огнями. Из машины вышел офицер и начал размахивать руками, указывая на таблички «Прохода нет», развешанные вдоль забора. Сперва послышались вялые протесты, но постепенно толпа двинулась в открытые ворота.

Кристин наблюдала, как медленно освобождается дорога и постепенно разъезжаются фургоны. Когда уехал последний, она подошла к панели управления в прихожей, закрыла ворота и вернулась к окну. Постояла какое-то время, пялясь на пустую улицу и пытаясь почувствовать нечто вроде облегчения. Впервые за семь дней перед домом никого не было, и журналисты не затаились в ожидании.

Собрав в кулак все оставшиеся силы, она добралась до спальни и разделась. Кристин думала о потерянном на улице шарфе, когда на террасе послышался шум. Она с любопытством подошла к двери, присмотрелась сквозь собственное отражение и с изумлением обнаружила журналиста с камерой, а ведь на Кристин были только трусы.

Слишком напуганная, чтобы закричать, она бросилась на пол, стащила с дивана покрывало, обернулась и потянулась за телефоном. Поняв, что его обнаружили, нарушитель спокойствия слетел со ступеней, споткнулся о стул во дворике и побежал к забору. Через мгновение его уже не было.

Кристин посмотрела на трубку в своей руке. Звонок в 911 ничего не решит. Ей удалось прогнать одного, но будут и другие – перелезть через забор, заглядывать в окна, штурмовать машину, когда она в следующий раз попытается покинуть дом. Они никогда не оставят ее в покое.

Если только она не уедет.

С почти зловещим спокойствием Кристин встала, подошла к шкафу, надела джинсы и потрепанную толстовку и достала с верхней полки старую сумку. Много вещей не понадобится: джинсы, леггинсы, пара свитеров и туалетные принадлежности из-под раковины. И содержимое сейфа.

Собрав сумку, она направилась в кабинет, не обращая внимания на по-прежнему лежащую лицом вниз фотографию, набрала код на сейфе, дождалась зеленого огонька и принялась, не глядя, запихивать содержимое в сумку: страховые полисы, документы по инвестициям, свидетельства о рождении и конверт Стивена с наличными деньгами на экстренный случай – как

он шутил, на случай зомби-апокалипсиса. Вполне в духе Стивена: он думал, что сможет купить собственное спасение даже при конце света.

Кристин закрыла сейф и собралась уходить, когда ее взгляд упал на левую руку и кольцо, символизирующее ее брак, – двухкартанный бриллиант. Только самое лучшее для жены Стивена Ладлоу. Оно легко соскользнуло с пальца; видимо, после недели на чае и бутербродах она похудела. Рука казалась непривычно легкой, но Кристин положила кольцо на стол, не испытывая чувства вины. Стивен покинул их брак какое-то время назад. Теперь ее черед.

Задержав дыхание, Кристин выглянула из окон. Похоже, пока чисто – никаких фургонов у ворот, никаких фотографов в засаде. Кристин взяла сумки, вышла на крыльцо и поспешила к «Роверу», стоящему посреди двора.

С громко бьющимся сердцем она села за руль, заблокировала все четыре двери и завела мотор. Потом нажала кнопку на пульте. Ворота бесшумно раскрылись, и Кристин увидела перед собой пустую улицу.

Она почувствовала пьянящее облегчение и одновременно тревогу, когда нахлынули воспоминания о другой ночи – другой наскоро собранной сумке, другом торопливом бегстве. Сложно не увидеть иронию. В шестнадцать лет Кристин ускользнула из дома посреди ночи и побежала куда глаза глядят. Теперь, двадцать лет спустя, она убегала вновь.

Четыре

Равенел, Южная Каролина.
8 января 1994 г.

Кутаясь в куртку, Кристи-Линн идет по мокрому тротуару и жалеет, что не оставила учебники по математике и естествознанию в шкафчике. На улице до безобразия холодно, даже для января, и идет ледяной дождь. Кристин бредет, опустив голову и спрятав ее в огромном капюшоне, словно черепаха, и видит лишь асфальт у себя под ногами.

Онемевшие от холода руки сжаты в кулаки и спрятаны глубоко в карманах. Там ключ от квартиры. Кристин крутит его в пальцах, предвкушая чашку горячего шоколада, которую приготовит дома, если он остался. Сейчас она уже согласна и на чай. Если он горячий.

Девочка ускоряет шаг, когда впереди появляется знак «Пальм Манор Апартаментс» – краска с букв осыпается туда, где когда-то был палисадник, а теперь лишь грязная лужа с фантиками и окурками. Еще несколько шагов, и Кристин окажется внутри, в сухости и тепле, с кружкой горячего напитка. И будет читать «Изгоев».

Этот роман им задала миссис Кендрик, учительница по английскому, но он был совсем не похож на домашнюю работу. Как чтение можно назвать работой, если ты встречаешь людей и посещаешь места, которых никогда не увидел бы в реальной жизни? Кристин улыбается, думая о Черри, Понибое и красавчике Содапоне. Они стали ее друзьями – изгой, как и она, из неправильной части города. Только они были вместе, а у нее нет никого, для детей в брендовых джинсах, живущих в красивых домах, она лишь уродливая одиночка из иного мира. Наверное, было бы здорово вступить в банду – только не ту, где продают наркотики и убивают людей, а ту, где ее не будут дразнить за одежду из секонд-хенда и обед в коричневом бумажном пакете.

Кристин все еще раздумывала над плюсами и минусами вступления в банду, когда влажную из-за дождя тишину пронзили отчаянные ругательства.

– Гребаный дождь! Каждый раз, когда мне приходится кого-то вышвыривать, идет гребаный дождь!

Кристи-Линн поднимает голову, сбрасывает капюшон с лица, высматривает источник звука и замирает, заметив кучу одежды и мебели на мокрых ступенях возле их квартиры. А потом бежит – дождь льет в глаза, в животе сжимается узел, а Кристин бежит к мужчине, который тащит лампы, купленные ее матерью несколько месяцев назад.

– Что вы делаете? Это наши вещи!

– А это моя квартира, – отвечает мужчина, указывая пальцем на открытую дверь. Он высокий и крепкий, в мокрой майке и грязном сером комбинезоне. – Конечно, если у вас нет шестисот долларов. А как я догадываюсь, их нет – твоя мама столько не зарабатывает.

– Но вы не можете! Ее даже здесь нет!

– Могу, – отрезает мужчина. И, словно в подкрепление собственных слов, швыряет лампы на промокнувшую кучу домашней утвари. Один из абажуров скатывается на тротуар, и с тошнотворным треском разбивается лампочка. – Так написано в договоре, подписанном хозяйкой квартиры. Два месяца задержки, и вы съезжаете.

В дверях появляется мальчик с охапкой полотенец и подушек. Он ненамного старше нее – лет четырнадцать или пятнадцать – и очень похож на отца: такие же соломенные волосы, твердая челюсть, холодный взгляд. Он издали кидает подушки в кучу и улыбается жесткой улыбкой. Он не впервые помогает отцу выселять людей.

Выселение.

Это слово наполняет Кристин стыдом. Она знала, дела шли туго, ее мать едва сводила концы с концами, они жили на хот-догах и макаронах с сыром, но Кристин никогда не

понимала, что все настолько плохо. Неудивительно, что матери приходится брать дополнительные смены в «Пиггли Виггли» и что она всегда выглядит такой измотанной, будто еще немного, и рассыплется на кусочки.

Кристи-Линн продолжает пялиться на мокнущую кучу вещей, не сводя взгляда с пушистой фиолетовой ноги – плюшевый динозаврик, подарок матери на шестой день рождения, – когда ее внимание привлекает то ли движение, то ли звук. Внутри все сжимается, когда в окне над головой раздвигаются шторы и появляется пара лиц. И это не единственные наблюдатели. По всему комплексу люди выглядывают из окон или стоят в дверях и смотрят, что будет дальше. И от этого почему-то становится хуже.

Кристин преодолевает желание заплакать. Чем это поможет? Нужно позвонить матери, сказать, что происходит, – вот только ее начальник не любит, когда ей звонят на работу, а меньше всего им сейчас нужно, чтобы Шарлен Паркер уволили. Кроме того, звонить все равно неоткуда. Даже если Кристин впустят в квартиру – чего, скорее всего, не случится, – телефон отключили еще несколько недель назад.

Снова появляется сын мужчины, на этот раз с ношей в виде кастрюль и сковородок, в том числе с железной сковородой, в которой ее мать готовит кукурузный хлеб. Он с грохотом швыряет их на ступени и поворачивается к отцу, чтобы забрать протянутую коробку. Похоже, в ней вещи из-под раковины: спрей для мытья стекол, жидкость для посуды, наполовину использованный рулон бумажных полотенец. Кристин наблюдает, как картон темнеет под дождем и полотенца медленно размокают.

Именно бумажные полотенца становятся последней каплей – невыносимо смотреть, как они раскисают под острой ледяной моросью. Вещей у них немного – с этим сложно поспорить, когда все имущество свалено в отвратительную кучу на ступенях. Неужели он не мог хотя бы сохранить бумагу? В Кристин внезапно закипает гнев вперемешку со стоящими в горле слезами. Дело не в несправедливости; если они действительно два месяца не платили за аренду, мужчина имеет право их выселить. Но неужели нужно выкидывать их вещи под дождь на глазах у всего дома?

Снова появляется сын, на этот раз с тарелками и кружками. Он ставит их на тротуар, достает из-под мышки кухонные полотенца и швыряет их в лужу. Кристин хочется подбежать, свалить его с ног и избить до крови, но он слишком большой.

– Твой отец – ублюдок, ты в курсе? – сдавленно бросает она, ненавидя себя за слезы.

Он смотрит на нее сквозь дождь – мокрые соломенные волосы прилипли к голове, – а потом пожимает плечами.

– Если тебе нужны эти вещи, лучше займись делом.

Он наклоняется к коробке с чистящими средствами и достает упаковку пластиковых мешков для мусора. Не целясь, кидает их Кристин.

– Если в течение часа не уберешь вещи с тротуара, они отправятся на свалку.

Кристи-Линн наблюдает, как парень снова исчезает в квартире. А потом – больше ей ничего не остается – наклоняется за упаковкой пакетов, отрывает один и начинает набивать его мокрой одеждой.

Пять

Свитвотер, Вирджиния.
20 ноября 2016 г.

Уэйд Пирс устало пялился на мигающий курсор. Снова не то. Три часа на одну чертову сцену, и *по-прежнему* не то. И еще три часа тоже не решат проблему. Проблема не в сцене; проблема в нем. Он раздражителен и невнимателен, и голова гудит из-за избытка кофе. Измучившись, он оттолкнулся от стола и направился к холодильнику за «маунтин дью», но в итоге предпочел бутылку воды. Меньше всего ему сейчас нужен дополнительный кофеин. Сделав большой глоток, Уэйд отодвинул стеклянную дверь и вышел на веранду.

Тяжелый серый воздух наполнился ароматом влажной почвы и далекого дыма. Приятный земляной запах. Никаких выхлопных газов. Никакого вонючего мусора и залитых мочой переулков. Уэйд сделал глубокий вдох, рассматривая круглые холмы, окружившие городок Свитвотер. Листва, плававшая на холмах последние несколько недель, исчезла, оставив пейзаж, подходящий его настроению – промозглый, бесплодный, бесцветный. Возможно, покинуть цивилизацию было не лучшим решением для городского мальчика. А может, его просто достало собственное общество.

Тогда отъезд казался хорошей идеей. Хотя правильнее называть это бегством. Возвращением к тому, что наполняет душу, а не только счет в банке. Но план не сработал. Ему нравилось воображать, как он сбежит в глушь, будет вести жизнь отшельника и воссоединится с музыкой, но этого не произошло. Во всяком случае, не полностью.

Он надеялся на покой, своеобразную завершенность после внезапного и отчасти неожиданного ухода из «Уик ин ревью». Но переезд в Свитвотер не принес ничего даже отдаленно похожего на покой. Вместо этого основную часть дня Уэйд проводил в сомнениях – мудро ли гнаться за мечтой, которую следовало похоронить еще двадцать лет назад.

Писатель. После стольких потерянных лет, стольких эпизодических попыток и начинаний он продолжает упорствовать. Вероятно, у него проблемы с головой. Некоторые рождены с даром царя Мидаса – Стивены Ладлоу этого мира, кармические алхимики, которые умудряются превращать мусор в золото, нарушая все правила и без особых усилий наслаждаясь славой, богатством и обожанием миллионов. И вдобавок получают возлюбленную, которая никогда не предаст. А некоторые парни вроде него упорно идут к своей цели, но каждый раз оказываются в конце очереди.

Черт, может, пора собрать вещи и вернуться в Нью-Йорк? Восстановить репутацию одного из лучших журналистов города. Правда, возвращаться особо не к чему. Он бросил работу и потерял жену. А насчет Ладлоу все давно поросло быльем. Таить обиду за случившееся двадцать лет назад – удобное оправдание, но отказ от писательства стал собственным выбором Уэйда. И потому он останется здесь, где в детстве каждое лето рыбачил с дедушкой, и займется тем, ради чего приехал. Он закончит книгу, и не важно, что из этого выйдет.

Глядя на озеро, он подумал о дедушке, о жарких полднях, проведенных на воде в ожидании клева. Теперь старика больше нет, упокой Господь его душу, и пустовавший на протяжении долгих лет домик принадлежит Уэйду. Сначала возвращение вызвало странные чувства. Первые три месяца он приводил жилище в порядок – ремонтировал, обновлял, устранял протечки, налаживал проводку. Теперь стало уютно, хоть весьма по-спартански. Самое прекрасное, что тут нет ни телефона, ни телевизора, ни интернета. Помимо мобильного для экстренных ситуаций и периодических бесед с почтальоном, Уэйд оказался полностью отрезан от мира. И это ему очень нравилось. Если случится метель, его предупредят по телефону, а о конце света он и сам предпочел бы не знать.

Поднялся ветер, закручивая серовато-коричневые листья в углах веранды в маленькие торнадо. На востоке зависли над холмами медленные, задумчивые облака угрожающего оловянного цвета. Скоро начнется шторм, и Уэйда это вполне устраивает. Ему никуда не нужно, а под дождем пишется лучше.

Он как раз собрался заходить внутрь, когда зазвонил телефон. В последние дни звонки раздавались так редко, что Уэйду не сразу удалось определить источник звука. Зайдя в дом, Уэйд взял с холодильника мобильный, ожидая услышать голос Джастина, который должен был привезти заказанную на прошлой неделе связку дров.

– Уэйд! Приятель! Ты там как?

Ясно, не Джастин. Уэйд попытался связать голос с лицом и наконец остановился на Глене Хойте, лучшем криминальном обозревателе «Уик ин ревью». Они написали вместе несколько материалов о грязных политиках, набивающих карманы за счет города. Когда нужно было копаться в нечистотах, все шли к Глену. Он тоже пытался отговорить Уэйда от увольнения.

– Глен? Что случилось?

Глен издал короткий смешок, и Уэйд живо представил, как он откидывается на кресло.

– Да, это я. Звоню узнать, готов ли ты вновь присоединиться к крысиным бегам.

– Дай угадаю, тебя попросил Киллиан.

– Нет, но я уверен – наш обожаемый главный редактор готов убить за возможность вновь запустить в тебя когти. Хотя сомневаюсь, что после случившегося такое произойдет. Ты, гм... выразился весьма прямолинейно.

– Кто-то должен был.

– Возможно, но, господи, приятель, назвать человека черствым ублюдком перед всей редакцией? Немного чересчур, не находишь?

– Просто озвучил правду.

– Скорее, сжег мосты.

– Мосты нужны только тем, кто планирует возвращаться. Я не планирую.

– Хорошо, понял. Но не обижайся за попытку. С тех пор, как ты ушел, все изменилось.

Киллиан перепробовал трех человек, пытаясь найти тебе замену. Последний был хуже всех. Ублюдок двух слов связать не мог. – Ненадолго повисло молчание. Глен кашлянул. – Ну как... Нет новостей от Симоны?

Уэйд моргнул при упоминании бывшей жены. Он готовился к этому вопросу, но тот все равно застал врасплох, как выбивает из легких воздух заранее замеченный удар.

– А с чего бы ей мне звонить?

– Ну не знаю. Может, по старой памяти? Она ушла сразу после тебя.

– Нет, – холодно ответил Уэйд. – Я с ней не общался. Нам больше не о чем разговаривать. Судья прекрасно разрешил все наши вопросы.

– Черт. Отстой. Я надеялся, вы помиритесь, хотя недавно слышал, у нее кто-то появился.

После его слов повисло молчание. «Кто-то появился». Ну разумеется. Долгое одиночество не в стиле Симоны. Ей нужен близкий человек, альтер эго, которое заполнит ее пустоты. Какое-то время эту роль исполнял Уэйд.

– Личная жизнь Симоны меня не касается, Глен.

– Конечно. Конечно. Я просто подумал, вдруг ты к ней по-прежнему равнодушен.

– Нет. Равнодушен.

– Ага. Хорошо. Говорят, он какая-то шишка с телевидения. Высокий брюнет с укладкой. Работает в вечерних новостях. Думаю, они живут вместе.

Уэйд поставил бутылку воды и полез в холодильник за пивом. Снял крышку, бросил ее в раковину и сделал большой глоток. Уэйд сам не понимал, почему новости доставляли боль. Симона всегда хотела перебраться из газеты на телевидение. Внешние данные позволяли, не говоря об инстинктах, необходимых для подъема по пищевой цепи.

– Ты еще там, приятель?

Уэйд вздрогнул.

– Что? А, да. Просто... занят.

– Ну хорошо. А то мне показалось, ты отключился. Как дела с книгой? Ты говорил, скоро ее закончишь. Как успехи?

– Хорошо, – нехотя солгал Уэйд. – Уже вношу правки.

– Да, ты всегда тщательно вычитывал. Расставлял все точки над «i». Подбирал каждое слово. Киллиан реально облажался, когда упустил тебя.

Уэйд посмотрел на часы, желая поскорее закончить разговор.

– Слушай, я тут немного занят редактированием, но, если ты захочешь приехать в глушь, порыбачить, дай знать.

– Звони, приятель. Я всегда на связи. Seriously. По любым вопросам.

Уэйд закончил разговор, допил остатки пива и потянулся за второй банкой, надеясь утопить воспоминания о работе в «Уик ин ревью». Нет, плохо было не всегда. На самом деле вначале было даже очень увлекательно. Несмотря на сумасшедшую нагрузку, Уэйд наслаждался работой. Брал интервью у узников войны и выживших в Холокосте; у жертв насилия, инцеста, расизма и массовой стрельбы; у людей, переживших взрывы нефтяных танкеров, и жен пожарных, погибших при падении башен 11 сентября. И каким-то образом даже умудрился получить премию Херста.

Но со временем границы между новостями и сенсациями размылись, и укоренилось мнение, что человеческий интерес утрачен. Теперь людям нужны шок, ужас и кровь, кошмарные детали трагедий, потому что страх ценится и всегда ценился больше надежды.

События достигли критической массы, когда Киллиан заказал ему интервью с двенадцатилетним ребенком, пережившим массовую стрельбу в средней школе Кристал-Лейк: у него на глазах убили мать – помощника учителя. Именно тогда Уэйд подвел черту и ушел, но перед этим высказал свое мнение о Киллиане на глазах у всего коллектива.

Такая у Уэйда была привычка – говорить все, что думает. Обычно сгоряча, и часто при свидетелях. Но он не жалел ни о едином сказанном Киллиану слове. Некоторым людям необходимо иногда получать дозу правды. Киллиан был из таких. Как и Стивен Ладлоу.

Шесть

*Клир Харбор, Мэн.
29 ноября 2016 г.*

Кристин выехала на практически пустое шоссе. «Скатертью дорога», – подумала она, когда фары «Ровера» осветили грязные остатки вчерашнего снегопада, убранные на обочину. Кристин сама не понимала, куда едет. Но знала: снега на земле там не будет.

Ей нужен какой-нибудь маленький городок в глуши, желательнее там, где никто не слышал о Стивене Ладлоу, где она сможет затаиться и разобраться с остатками своей жизни. Если только такое место есть. Но, разумеется, его не существовало. «Экзаминер» об этом позаботился. Но с форой в несколько дней, возможно, Кристин успеет исчезнуть, пока не уляжется суэта или внимание мира не привлечет какой-нибудь новый скандал.

А пока Кристин нужно оказаться как можно дальше от Клир Харбор. Единственный вопрос – как далеко ей удастся уехать, прежде чем ее догонят суматоха и последствия содеянного.

Два часа спустя Кристин получила ответ на этот вопрос. В глазах начало рябить еще несколько километров назад, и она несколько раз поймала себя на том, что засмотрелась на белые линии шоссе. Кристин понятия не имела, где находится, когда наконец заехала на заправку, но обрадовалась возможности размять ноги.

Она посетила уборную, где пахло хлоркой и вишневым освежителем воздуха, а потом купила пару бутылок воды и несколько упаковок крекеров. Это было не первое бегство Кристин; ей уже приходилось жить на воде и крекерах с арахисовой пастой несколько дней подряд. Чем реже она будет останавливаться, тем меньше шансов, что ее узнают. Ей уже не шестнадцать, у нее есть деньги, ее лицо точно не появится в объявлении о разыскиваемых, но ставки почему-то казались не менее высокими. Она восстановила в памяти основные правила игры. Никому не говори настоящее имя. Выбери фальшивое и используй только его. Постриги волосы. Скрывай все татуировки. Сними украшения.

Выехав обратно на шоссе, она посмотрела на свои руки, лежащие на руле, и на безымянный палец без кольца. Она хотя бы позаботилась об украшениях.

Когда она наконец добралась до Вирджинии, солнце уже клонилось к закату. Она съела последнюю упаковку крекеров в районе полудня, а польза от часового сна на стоянке для отдыха давно не ощущалась. Нужно поесть и поспать, и как можно скорее. К сожалению, Кристин понятия не имела, где находится. Возможно, пора достать атлас и просто выбрать пункт назначения.

Но атлас даже не понадобился. Всего через несколько километров она заметила плакат «Исторический центр Свитвотер». Название казалось знакомым, пробуждая воспоминания о мощеных улицах и маленьких галереях, о старомодной гостинице с колодцем желаний во дворе – и о Стивене. Сама того не желая, Кристин угодила в один из маленьких городков, где они проводили медовый месяц.

Они остановились в небольшой гостинице, названия которой она вспомнить не могла, ели рыбу с картошкой в пабе «Расти Нейл» и занимались всякими пустяками. Тогда они были счастливы – молодожены, которых ждет целый мир. Что случилось с этой парой?

Кристин импульсивно свернула на главную улицу и проехала по центру города. Изменилось не многое. Городок был маленьким и живописным, с модными магазинчиками и местными кафешками вдоль тротуаров. При мысли о еде рот наполнился слюной, но первым делом нужно было найти место для ночлега.

Кристин заехала на парковку первой же увиденной гостиницы, переделанной из старого фермерского дома, под названием «Файф энд Фезер». Небольшое, но симпатичное двухэтажное здание, обшитое белыми досками, с черными ставнями и маленьким крыльцом из битого кирпича.

На входной двери висел венок из листьев магнолии, перевязанных кремовой сатиновой лентой, – Кристин вдруг вспомнила, что недавно прошел День благодарения. В суете после гибели Стивена она попросту забыла про праздник, как и про заранее заказанную в «Лонгли» индейку. Продолжая размышлять о судьбе не востребованной птицы, Кристин зашла в уютный холл «Файф энд Фезер» – небольшую комнатку с низким потолком, обставленную мебелью в стиле шейкер и украшенную примитивным народным искусством.

– Привет! – улыбнулась ей привлекательная блондинка, стоявшая за стойкой регистрации. На вид ей было лет тридцать, но она все равно чем-то напоминала королеву школьного выпускного бала – бойкая и яркая, с небрежным пучком и блестящими розовыми губами. – Добро пожаловать в «Файф энд Фезер»!

Кристин пригладила волосы, с ужасом осознав, что выглядит очень потрепанной.

– Я проезжала мимо и увидела табличку «Свободные номера». Надеюсь, у вас еще есть комната?

Блондинка улыбнулась еще шире и достала регистрационную анкету.

– Вам повезло. Любители осенних пейзажей разъехались, а для Рождества еще рановато. Поэтому сейчас большой выбор. Что привело вас в Свитвотер?

– Я, хм... просто проездом.

– Значит, только на одну ночь?

– Да. Только на одну ночь.

– Ну, мы вам очень рады. Кстати, я Мисси Бек – хозяйка. А поскольку сейчас низкий сезон, я поселю вас в мою любимую комнату. У прежних владельцев, Холкомбсов, была там библиотека. Все книжные шкафы сохранились с тех времен.

Кристин не решилась сказать ей, что сейчас ее интересует исключительно кровать.

– У вас можно поужинать?

– Простите. К сожалению, у нас только завтрак. Но могу предложить вот это, чтобы заморить червячка.

Она протянула тарелку свежеспеченного овсяного печенья.

Кристин взяла печенье и вежливо откусила кусочек.

– «Расти Нейл» уже, наверное, не работает?

Мисси удивилась.

– «Нейл» закрыли много лет назад. Теперь там пиццерия, и очень неплохая, атмосферная. Значит, вы уже бывали в Свитвотере?

Кристин кивнула.

– Много лет назад, в медовый месяц.

– О, здорово. На этот раз муж тоже с вами?

– Нет, он... Я вдова.

Сказав это слово, Кристин похолодела. Она впервые произнесла его вслух и сама удивилась, насколько легко оно сорвалось с языка.

Мисси потянулась через стойку, чтобы пожать ей руку.

– О, милая, мне очень жаль. Вы так молоды. Это случилось внезапно?

– Да. Он... – Она запнулась, испугавшись, что наговорит лишнего. – Он утонул.

Это не было ложью, но и не было правдой – во всяком случае, не всей правдой. Кристин прикрыла глаза, пытаясь прогнать образы, преследовавшие ее последние дни. *«Был ли он в сознании? Боролся ли, и если да, то как скоро вода наполнила его легкие?»*

Серо-зеленые глаза Мисси наполнились сочувствием.

– Мне очень жаль. Моя подруга потеряла мужа год назад, и я видела, через что ей пришлось пройти. Знаю, вначале невыносимо, но со временем станет легче. Завтра будет лучше, и послезавтра тоже. Пока у вас есть друзья, все преодолеем.

Кристин попыталась изобразить подобие улыбки и взяла анкету. Она чувствовала благодарность за слова утешения. И даже хотела им верить. Но, если преодоление горя зависело от круга друзей, Кристин не повезло. Она периодически общалась с некоторыми женщинами из клуба – большинство из них были женами друзей Стивена. Некоторые даже прислали ей открытки с соболезнованиями, но не более – впрочем, большего Кристин и не хотела.

– Извините, – выпалила Мисси. – Вы спросили про ужин, а я, как обычно, полезла не в свое дело. Хочу порекомендовать вам «Корк энд Кливер». В двух шагах отсюда, и прекрасная кухня. Его хозяйка – Куинни Питерсон. Она моя подруга, так что я немного пристрастна, но у них правда лучшая еда в городе.

Кристин неопределенно кивнула, уставившись на строчку в анкете, где нужно указать фамилию. Использовать фамилию Ладлоу она не решилась. Вместо этого она взяла ручку и написала фамилию, с которой рассталась восемь лет назад, когда вышла замуж за Стивена. Отныне она Кристи-Линн Паркер. Главное, не забыть.

– Заплатить сейчас? – уточнила она, заполнив анкету.

– Можно завтра. Вот ключ. Комната на втором этаже. Завтрак подается до одиннадцати утра в комнате возле лестницы. Телевизоров в комнатах нет, но, если захочется узнать, что творится в мире, есть телевизор в бизнес-центре. Ой, чуть не забыла... – Она завернула несколько печений в салфетку и протянула Кристин. – Чтобы протянуть до ужина. Приятного пребывания.

– Спасибо. Я в этом не сомневаюсь.

Кристи-Линн с трудом забралась по ступеням вверх и дошла до конца коридора. Когда она наконец заперла за собой дверь, то почувствовала глубокое облегчение. Оказавшись в приятном и безопасном одиночестве, она опустила сумки на пол и устало оглядела номер.

Это была яркая, просторная комната, обставленная антикварной мебелью, в том числе великолепной кроватью с балдахином, покрытым винтажным кружевом. И Мисси не преувеличила насчет книжных шкафов; они были великолепны – заставлены классикой в поношенных разноцветных переплетах. Дефо устроился рядом с Дю Морье, Лонгфелло – возле Керуака. Маловероятные друзья стояли плечом к плечу.

Эта мысль вызвала улыбку, которая померкла, когда Кристин поймала собственное отражение в зеркале бюро. С сальными волосами и в несвежей одежде, она напоминала бездомную или беглую заключенную из женской тюрьмы. Что сказал бы Стивен, если бы сейчас ее увидел? Ничего хорошего, это точно. Как жена, она должна была поддерживать его имидж, а значит, никаких спортивных брюк на рынке или неаккуратных хвостов в аптеке. Но теперь критиковать ее было некому. Однако все равно не стоит идти в ресторан в таком виде, будто она только что вылезла из мусорного бака.

Через полчаса Кристин вышла из ванной – восхитительно чистая и пахнущая лавандовым гелем для душа, который Мисси ставила для гостей. Она собиралась высушить голову, надеть свежую одежду и отправиться в ресторан по соседству, но внезапно поняла, что это потребует титанических усилий. Вместо этого она достала из кармана пальто приготовленное Мисси печенье. Не совсем ужин, но, чтобы его съесть, не придется одеваться.

Кристин расправилась с печеньем за несколько минут, не снимая полотенца, а потом откинулась назад, на кремовое кружевное покрывало. Когда она закрыла глаза, в голове прозвучали слова Мисси.

«Завтра будет легче».

Хочется надеяться.

«Кристи-Линн Паркер. Кристи-Линн Паркер».

Пока она шла по улицам Свитвотера, имя пульсировало в голове, словно барабанный бой, напоминая, что вчера она закончила одну жизнь и вступила в другую. Странное ощущение – внезапно оказаться оторванной от собственной жизни, открыть с утра глаза и не понимать, где ты, куда идешь и даже что будет дальше. Но в некотором смысле это стало и освобождением – просто раствориться на улицах маленького городка. В Клир Харбор ей этого не удавалось уже много лет.

Кристин направлялась в закусочную «Фикл Пикл» на углу, когда почувствовала, что сводит пальцы. Она остановилась и переложила пакеты из одной руки в другую. Наряды хиппи, так назвал бы ее покупатель Стивен. И возможно, так и было. Они явно не походили на гламурные дизайнерские бренды, которые он предпочитал на ней видеть, – впрочем, как и на дешевую офисную одежду времен ее работы в «Ллойд энд Гриффин». На самом деле удивительно, что он вообще тогда обратил на нее внимание.

Когда они познакомились, Кристин работала помощницей редактора, все еще приносила из дома обеды и водила старый «Форд Темпо» с ручными стеклоподъемниками – не самая блестящая кандидатура на роль жены. Стивен направлялся на деловой обед с редактором, когда она в буквальном смысле наткнулась на него в коридоре с охапкой макетов для обложек в руках. Стивен заговорил первым и извинился, хотя столкновение очевидно было ее виной. Теперь Кристин вспоминала случившееся с неприязнью – одна улыбка, и она утратила дар речи. Стивен отменил встречу с редактором и вместо этого пригласил Кристин на суши – она их ненавидела, но притворилась, что любит. Полгода спустя они поженились, и притворяться стало сложнее.

Кристи-Линн прогнала воспоминание, снова перераспределила пакеты и продолжила путь к закусочной. Уже возле двери она заметила вывеску парикмахерской и сменила направление.

Когда Кристин вошла, зазвенел колокольчик. Внутри не было никого, кроме жующей жвачку парикмахерши.

– Привет. Чем могу помочь?

Кристи-Линн провела рукой по волосам, доходившим до плеч, и внезапно смутилась.

– Я думаю коротко подстричься и, возможно, сделать мелирование. Сможете?

– Дорогая, я могу что угодно, если у тебя есть время.

– Я хочу сейчас. Вы можете прямо сейчас?

Девушка обвела взглядом пустой салон и ухмыльнулась.

– Думаю, я найду для тебя окошко. – Она подошла ближе и потрогала волосы Кристи-Линн. – У тебя хорошие волосы. Краска ляжет хорошо. Садись.

Два часа спустя парикмахерша – как выяснилось, ее зовут Рена – выключила фен и повернула стул к зеркалу. Увидев отражение, Кристи-Линн на мгновение растерялась. Она словно смотрела на незнакомку, похожую на кого-то из далекого прошлого. Она потрогала волосы и потрясла головой, наслаждаясь мягкими, упругими кудряшками на затылке.

Стивен предпочитал длинные волосы, желательно собранные в аккуратный хвост. Разумеется, Кристин смеялась над ним, как и почти всегда, но теперь перед ней вдруг словно оказалась прошлая версия себя, словно время сложилось и вернуло ее к женщине, которой она была до столкновения со Стивеном. Однако та женщина была смелой и независимой – борцом. Осталось ли от нее хоть что-то?

Семь

Звуки марьячи поприветствовали Кристи-Линн, когда она шагнула в лобби «Тако Локо». Она сама не знала, зачем пришла. Есть не хотелось, но возвращаться в номер желания тоже не было. Как оказалось, она не единственная, кто наслаждается не по сезону теплым вечером. Местечко было забито до отказа – полностью занятые столики и несколько групп ожидающих.

Измученная официантка с иссиня-черными волосами изо всех сил старалась приветствовать гостей и управлять очередью. Кристи-Линн как раз удалось привлечь ее внимание, когда она услышала, как кто-то зовет ее по имени. Быстро оглядев столики, Кристи-Линн заметила Мисси, которая неистово махала ей из глубины ресторана.

– О господи! Это ты! – ахнула она, когда Кристи-Линн наконец пробралась к столику. – Я сначала засомневалась. Какая у тебя прическа! Ты заранее решила, что сделаешь это сегодня утром?

Кристи-Линн заткнула постриженные пряди за ухо, внезапно смутившись. Она словно утратила часть себя.

– Нет. Я собиралась зайти пообедать, когда увидела салон и подумала – почему бы нет?

– Ну, лично мне очень нравится. Весело и очень сексуально. Согласна, Дар? Ой, прости, чуть не забыла. Это Дар Сеттерс. У нее мистический магазинчик на Бонд-стрит. Кристаллы, свечи, все такое. Слушай, почему бы тебе не поесть с нами? Мы только сели.

Кристи-Линн смущенно улыбнулась блондинке, сидящей напротив Мисси.

– Спасибо, но не хочу портить вам вечер.

Дар улыбнулась. Она была бледной и миниатюрной, почти эфемерной – платиновые волосы обрамляли маленькое лицо, словно лунный свет.

– Не говори ерунды. Мисси мне как раз про тебя рассказывала. Соболезную насчет мужа.

Кристи-Линн сомневалась, что ей нравится быть темой для беседы, но выдавила улыбку.

– Спасибо. Ужасно мило с вашей стороны.

– Ерунда, – ответила Мисси, отодвигая для нее стул. – Мы не собираемся сидеть здесь, пока ты ешь в одиночку. Тебе нужно быть с друзьями. Кроме того, сегодня вечер «маргариты»! – Мисси засмотрелась на прошедшего мимо них официанта в облегающих черных брюках, несущего на плече поднос. – Вид неплохой.

Дар вздохнула и шлепнула ее по пальцам.

– Мисси, не отвлекайся.

Мисси огляделась, изображая невинность.

– Что?

– Ты вроде зареклась иметь дело с мужчинами.

– Дорогая, ну просто посмотреть-то можно. Особенно если времени хватает только на это. Да и вряд ли кто-нибудь посмотрит в ответ. Парни не рвутся встречаться с девушкой, обремененной багажом вроде моего. Кстати говоря, куда подевался Марко? Пора выпить еще по «маргарите».

Кристи-Линн украдкой глянула на Мисси. Та великолепно выглядела, легко общалась и, похоже, вполне неплохо устроила собственную жизнь – удивительно, что с такой комбинацией за ее внимание не боролись все мужчины Свитвотера. С другой стороны, она лучше многих знала, что люди далеко не всегда показывают свое истинное лицо. История есть у каждого. Но не все готовы ею делиться.

Мисси снова наблюдала за Марко. Она провожала его взглядом, пока он не исчез за дверями кухни, а потом с ухмылкой повернулась к Кристи-Линн:

– На него приятно смотреть, но я уверена, что он занят. Дженис из «Бристоус» сказала, он заходил на днях и покупал рубиновые серьги, явно не для мамы.

– Бедняжка Мисси, – вздохнула Дар. – Снова несчастная любовь.

– Любовь? – Мисси сделала большие глаза. – Боже упаси! При чем тут любовь? Я же сказала, на него приятно смотреть, но у меня дома два маленьких мальчика, и на данный момент этого тестостерона мне более чем достаточно. – Она повернулась к Кристи-Линн и изобразила дрожь. – Несколько лет назад я обзавелась полным комплектом любви и брака, но пришлось сдать все обратно с возвратом денег, если ты понимаешь, о чем я.

– Бракованный товар?

Мисси наморщила нос.

– Вроде того.

– Мне жаль.

– Не нужно жалеть. Я счастлива. В основном. Хотя большую часть времени у меня все горит.

Кристи-Линн обратила внимание на оговорку «в основном», но решила не задавать вопросов. Через несколько дней она уедет, к тому же у нее есть собственная ноша.

– Сколько лет твоим сыновьям?

– Шесть и восемь. Натан и Кристиан. Оба чудовища, и оба восхитительны.

Разведена, бизнес-леди и мать-одиночка. Впечатляет.

– Как ты справляешься? Управляешь гостиницей и сама растишь двух маленьких мальчиков?

– О, у меня есть помощники. Рядом живут родители, и у нас прекрасная няня. Она сейчас с ними. Иногда я чувствую себя виноватой, что ухожу от них после целого дня на работе, но порой мне кажется, что я занимаюсь исключительно заботой об окружающих. Если не выбираться хоть изредка, я всерьез опасаясь сойти с ума. Ой, смотрите, Марко вернулся. – Мисси широко улыбнулась официанту и промурлыкала: – Это для меня, милый?

Он опустил на стол «маргариту» Мисси и новую миску с чипсами, принял заказ у Кристи-Линн, одарил их улыбкой Антонио Бандераса и ушел.

– Господи Иисусе, – проворчала Дар, когда он удалился на безопасное расстояние. – Я уж думала, ты сейчас начнешь совать купюры ему в трусы.

В болотно-зеленых глазах Мисси появился озорной блеск.

– Ревнуешь?

Дар медленно покачала головой, словно учитель, разговаривающий с озорным учеником.

– Не всем нужны привлекательные высокие брюнеты. Некоторым важнее внутренний мир, чтобы можно было поговорить или почитать хорошую книгу.

– Ах да. Родственная душа.

Дар сделала глоток вина, обиженно глянув на подругу.

– Ну давай, развлекайся. Но это не я вышла замуж сразу после школы только потому, что мне нравилось, как на парне сидели джинсы.

Мисси взяла бокал с «маргаритой», гоня соломинкой дольку лимона.

– Да, ты меня поймала. Именно так я и поступила. И все, что у меня осталось, – два красивых мальчика, которых я не променяю ни на что на свете. – Мисси посмотрела на Кристи-Линн и лучезарно улыбнулась. – О, милая, не волнуйся насчет нас. Мы не ссоримся. Так мы проявляем любовь друг к другу. Мы разные, как день и ночь, но она знает – я всегда поддержу ее, а я знаю, что она поддержит меня. Ну, знаешь, как бывает у подруг.

Кристи-Линн кивнула, хотя на самом деле она *не* знала. Она слышала о женской дружбе, но считала ее выдумкой кино и кабельного телевидения – непременно с литрами шампанского и походами в магазин за туфлями. Но теперь, наблюдая за отношениями Дар и Мисси, Кристин поняла, что настоящая женская дружба мало похожа на столь банальные стереотипы. Она глубже, и беспорядочнее, и по-своему красива. И внезапно – возможно, впервые в жизни – Кристин остро почувствовала ее отсутствие.

Но на это были причины.

Восемь

*Монкс Корнер, Южная Каролина.
9 августа 1994 г.*

Кристи-Линн искоса поглядывает на девочку, идущую рядом с ней, – на новую девочку. У нее ужасный прикус и кудрявые рыжие волосы. И она вся в веснушках. Разумеется, она ни в чем не виновата, но это не остановило детей из школы Беркли-Хай – они обливали ее соусом и обзывали уродиной. Это несправедливо. Родителей не выбирают – как и их гены.

Кристин отводит взгляд, когда девочка поворачивается к ней. Она привыкла быть невидимой, незаметной, и поэтому ей кажется немного странным, что Линда Нили внезапно забрела на ее обычно пустую орбиту.

Линде понадобилось время, чтобы заговорить, – почти две недели, но постепенно, через несколько дней блуждания по столовой и холлу, она изумила Кристи-Линн, рассказав свою историю. Семья Линды переехала потому, что ее отца перевели в «Трайидент», в Норт-Чарлстоне. Друзей у нее не было, и она отставала по большинству предметов, особенно по английскому. Отец угрожал отправить ее обратно в частную школу – ту, что с монашками, – если она не исправит оценки к следующей аттестации.

Линду сложно не пожалеть. После пяти переездов за три года Кристи-Линн не слышке знает, каково быть новичком, на которого все смотрят и о котором все шепчутся. Быть изгоем. Но со временем она к этому привыкла, даже научилась хорошо справляться, если такое возможно. Поэтому ей очень непривычно приглашать домой одноклассницу, чтобы помочь ей в аттестационной работе. Нельзя сказать, что у Кристин нет времени – свою работу она закончила уже неделю назад – или что она против. Она хорошо чувствует слова. Их эмоции, их вкус. Просто... странно. По-новому странно. Неловко.

Теперь они идут по парковке мимо переполненного пивными бутылками и грязными подгузниками мусорного бака и машин, стоящих на месте уже несколько месяцев. Кристи-Линн задается вопросом, есть ли дома еда. Вряд ли. Сейчас у них редко бывают деньги на чипсы или печенье. Господи, пусть хотя бы будет настоящая кола, а не дешевые аналоги, которые ее мать приносит домой, если совсем нет денег. Возможно, Линда Нили нелепо выглядит из-за веснушек и больших зубов, но ее часы «фоссил» и модные «мартинсы» явно не из дешевого супермаркета.

Теперь они поднимаются по ступеням – трем плитам из потрескавшегося бетона, поросшим сорняками. Из квартиры этажом выше слышны песня Рыбы Макинтайр «Фэнси» и пронзительные крики младенца. Кристи-Линн всегда ненавидела эту песню – она казалась ей слишком реалистичной.

Кристин нащупывает в кармане пальто ключ. Линда смотрит на нее большими, изумленными глазами.

– Ты что... здесь живешь? Я думала, мы просто сокращаем путь через парковку.

Кристи-Линн все еще пытается придумать ответ, когда замечает, что дверь в квартиру открыта. Она толкает ее коленом и заглядывает внутрь. Занавески задвинуты, телевизор выключен. Все на месте. Девочка с облегчением выдыхает. Значит, не ограбление. Просто ее мать, как обычно, опаздывала и забыла запереть на замок.

Кристи-Линн придерживает дверь, и Линда переступает через порог. Кристи-Линн еще никого не приглашала домой и теперь жалеет о своем решении. Квартира убогая и маленькая, и в воздухе висит жирный запах жареной картошки с луком со вчерашнего ужина. Опуская сумку с книгами на пол, Кристи-Линн на мновение задается вопросом, чем пахнет дома у

Линды. Наверное, жареной курицей или свиными отбивными. Печеньем и подливкой. Зелеными бобами с ветчиной и тортом «Красный бархат».

Линда все еще сжимает в руках учебники, медленно оглядывая в полумраке обстановку, и Кристи-Линн с ужасом осознает, как она должна восприниматься незнакомым человеком. Грязный, местами протертый до джутона ковер. Драный диван от предыдущих жильцов, побитый журнальный столик, повидавший слишком много перестановок. Лампа с помятым абражуром, спасенная матерью из мусорки после последнего выселения. Слава богу, хотя бы занавески закрыты.

Лучше им сразу отправиться в ее комнату, решает Кристи-Линн. Там, конечно, не здорово, но и не так убого, как в гостиной. Там ее мягкие игрушки – те, которые не испортил дождь, – и драгоценные книги, старательно собранные по библиотечным распродажам и секонд-хендам. Все это может быть в комнате у любой четырнадцатилетней девочки. Обычные вещи. Она старается не представлять, как может выглядеть комната Линды Нили. Вряд ли ее книги из секонд-хенда, а вещи когда-либо выбрасывали на парковку. Эта мысль причиняет боль.

– Ты вроде сказала, твоей мамы нет дома.

Кристи-Линн повернулась к гостю.

– Что?

– Твоя мама – ты вроде сказала, она на работе.

– Да.

Линда кивает на пол.

– Это ее вещи?

Кристи-Линн следит за ее взглядом и видит след из раскиданных по коврау предметов: кошелек, ботинки, ключи, куртка. Словно их побросали в спешке. Но как такое возможно? Ее мама никогда не пропускает работу. Во всяком случае, с тех пор, как она бросила Шейна Тейлора и устроилась в «Пиггли Виггли». Правда, в последнее время Шарлен Паркер чувствовала себя и выглядела не лучшим образом – с тех пор, как начала брать дополнительные смены в баре «Гетэвей Лаундж» и совсем перестала высыпаться, пытаясь свести концы с концами.

А потом Кристи-Линн чувствует, помимо аромата вчерашнего ужина, какой-то кислотный запах. Едкий и смутно знакомый, словно вонь от испорченного молока. Она знает этот запах и что он означает. Откуда-то из глубины коридора слышится стон – низкий, противный звук, от которого по спине у Кристи-Линн пробегают мурашки. Потом он повторяется, на этот раз громче, и заканчивается кашлем и рыганием.

Пока Кристи-Линн идет по узкому коридору, ее горло наполняется чем-то горячим и мерзким. Ярость. Ужас. Кошмарное осознание, что все начинается снова. Пожалуйста, пожалуйста, пусть она ошибается.

Но она не ошибается.

Когда Кристи-Линн заходит в ванную, Шарлен Паркер висит над унитазом. Ее волосы и одежда испачканы рвотой, щеки покрыты смесью сиреневых теней и размазанной туши.

– Мама?

Шарлен поднимает бледное, помятое лицо.

– Детка... Мне плохо.

У нее силовый, невнятный голос и несфокусированный взгляд. А потом она внезапно подсакивает на всех четырех конечностях и изгибает спину в бесплодном рвотном позыве, словно пытается вывернуться наизнанку.

Кристи-Линн в панике падает на одно колено, пытаясь избежать брызг желто-зеленой рвоты. Невыносимо воняет алкоголем и желчью.

Когда рвота проходит, лицо ее матери размывается. Кристи-Линн нетерпеливо вытирает слезы, но они продолжают бежать по щекам.

– Мама, ты обещала. Ты сказала, больше никогда.

Ее мать медленно открывает глаза и подносит руку ко рту.

– Пить...

Она произносит это еле слышным шепотом, и гнев Кристи-Линн на мгновение превращается в жалость. Она тянется к раковине за стаканом, когда замечает, что на ее матери все еще униформа бариста – джинсы и откровенная черная майка – вместо униформы кассира. Она что, даже не приходила вчера домой?

– Мама, и давно ты здесь в таком виде?

– Пи-и-ить! – вопит Шарлен, словно нетерпеливый ребенок. Крик отражается от покрытых плиткой стен. А потом вдруг мать начинает плакать – узловатые плечи сотрясаются от рыданий. – Прости, детка. Прости меня. – Она хватается за рубашку Кристи-Линн и сворачивается в комок. – Не злись, – глухо просит она, раскачиваясь на месте. – Прошу, детка... Не злись.

Легкое движение, скорее даже вдох, заставляет Кристи-Линн обернуться. Линда стоит на пороге, застыв при виде взрослой женщины, рыдающей на полу в ванной, словно ребенок.

Кристи-Линн смотрит на нее и моргает – горло внезапно наполняется острыми лезвиями.

– Моя мама заболела, – выдавливает она, с трудом сдерживая новую порцию слез. – Тебе лучше уйти.

Линда медленно кивает, на ее лице – смесь ужаса и завороченности.

– Конечно, да. – Линда медленно пятится назад, не в силах отвести взгляд. – Увидимся в школе.

Кристи-Линн ничего не отвечает, размышляя, сколько понадобится времени, чтобы история разнеслась по школьным коридорам. Потом опускает взгляд на мать, которая уже почти спит, разметав слипшиеся темные волосы по плиточному полу. Когда-то она была самой красивой девушкой в Монкс Корнере – Ава Гарднер среди бедных. По крайней мере, так ей рассказывала мать. И давным-давно это могло быть правдой.

Девять

Свитвоотер, Вирджиния.
29 ноября 2016 г.

Кристи-Линн устала на кучу бумаг, рассыпанных вокруг нее по кровати, – документы, поспешно выхваченные из сейфа Стивена в тот вечер, когда она уехала из Клир Харбор. Нужно как-то привести их в порядок. Но пока она только сильнее их перепутала.

Вчерашний ужин с Мисси и Дар стал приятным сюрпризом, но, когда Дар спросила, думала ли Кристин о дальнейших планах, та оторопела. На самом деле она не имела ни малейшего представления. У нее был издательский бизнес – около дюжины клиентов, наработанных за годы, – но жизнью это не назовешь. Если задуматься, Кристин сомневалась, что жизнью можно было назвать и ее существование со Стивеном.

Она жила, спрятав голову в песок еще до его смерти. Но больше прятаться нельзя. Внизу убиралась на кухне и общалась с гостями Мисси, а Дар продавала где-то в городе кристаллы и книги. Вокруг кипела жизнь – но без участия Кристин. Пора вытаскивать голову из песка.

Нужно разобраться со страховкой, банковским счетом и другими финансовыми вопросами, освободить и продать дом в Клир Харбор. Мысль изумила Кристин, но она внезапно поняла, что не вернется назад. Там ничего нет. Нет семьи, готовой ее утешить. Нет друзей, чтобы скучать. Ничего, кроме пустых воспоминаний. Пора подвести итоги и двигаться дальше. Но прежде всего нужно получить свидетельство о смерти Стивена.

Кристи-Линн включила ноутбук и подсоединилась к интернету. Сеть работала невыносимо медленно, но постепенно удалось ввести в строку поиска «Свидетельство о смерти, Мэн». Экран мигнул, и появились ссылки. Кристин перешла на сайт управления общественного здравоохранения штата Мэн. Все казалось удивительно простым, пока не появилась надпись красными буквами «ЗАПИСЬ НЕ НАЙДЕНА». Она попробовала еще раз, но получила тот же результат.

В расстроенных чувствах она взяла телефон и набрала номер полицейского участка Клир Харбор. Пришлось долго дожидаться соединения с кабинетом медицинской экспертизы, но наконец трубку взял сотрудник и нелюбезно задал несколько вопросов. И Кристин снова пришлось ждать. Через несколько минут он вернулся.

– Простите, но свидетельство еще не готово.

– Я не понимаю. Прошло уже почти две недели.

– Простите. Дело немного затянулось.

– А когда примерно оно будет готово?

– Точно не знаю. У нас по отделу ходит грипп, а одна из сотрудниц в декрете. Могу посоветовать только ждать.

Кристи-Линн уже собиралась повесить трубку, но передумала и попросила соединить ее с детективом Коннелли из отдела убийств. Во время прошлого разговора он ее отшил, но попытка не пытка. Может, сейчас он в лучшем настроении.

– Коннелли, – раздался угрюмый голос.

– Детектив, это Кристин Ладлоу. Я позвонила...

– Кристин? Господи! Куда ты запропастилась? Журналисты с ума посходили. Половина считает тебя погибшей. Другая половина – что ты проглотила пачку таблеток и угодила в психушку. Тебя ищет вся страна!

Кристи-Линн не стала поддерживать тему, напомнив себе, что звонит по другому поводу.

– Я звоню, потому что разговаривала сейчас с медицинским экспертом про свидетельство о смерти Стивена и решила заодно спросить, нет ли новой информации по делу.

Она почти не сомневалась, что расслышала раздраженный вздох.

– Кристин, мы вроде закрыли тему. *Нет* никакого дела. Произошла авария, фатальная случайность.

– Две фатальные случайности.

– Да. Хорошо. Две фатальные случайности. Но *дела* нет. Расследовать нечего. Машина поскользнулась на льду и упала в залив.

Теперь терпение утратила Кристи-Линн.

– Ты понимаешь, о чем я.

– Женщина.

– Да, женщина. Неужели так сложно? Думаю, я имею право знать, кто был в машине с моим мужем в момент его гибели, детектив. Даже если вы не согласны.

Очередной вздох. Еще более тяжкий.

– Нет, Кристин. Я не стану снова объяснять тебе, почему не могу сказать ее имя, даже если бы его знал, а я его не знаю. С тех пор, как кто-то слил те фотографии, здесь началась гребаная охота на ведьм, и я совершенно не хочу рисковать, обсуждая данную тему.

– Значит, источник утечки выяснить так и не удалось?

– Именно так. И я совершенно не хочу оказаться под подозрением. Слушай, мне пора. Много работы. Но если я *вдруг* захочу позвонить тебе, как тебя найти?

Мельком вспыхнула надежда. Может, он передумает и перезвонит, оказавшись в более подходящей обстановке. Но что-то заставило ее усомниться. Может, его отношение или страх случайно выдать место своего нахождения – тихий внутренний голос подсказал, что правильнее будет на всякий случай уйти от ответа.

– У тебя есть номер моего мобильного, – холодно напомнила Кристи-Линн. – Оставь сообщение.

Она повесила трубку, не дожидаясь ответа. С нее хватит пренебрежительного отношения.

Продолжая сердиться, она переключила внимание на стопки бумаг на кровати. Пытаясь отыскать контакты брокера Стивена, она обнаружила между своими свидетельствами о рождении и о браке конверт. Потрепанный и пожелтевший от старости, но, несомненно, тот самый. Она не вспоминала о нем годами, но вот он возник опять, словно неразменная монета. Кристи-Линн взяла его и медленно перевернула. Он казался почти невесомым, но при этом значимым; нарушенное обещание двадцатилетней давности. Она сама не знала, зачем хранила его столько лет – возможно, как предостережение о том, сколь опасно доверять людям. Кристи-Линн не была готова, что у нее зашиплет глаза, когда она приподнимет край и вытряхнет содержимое себе на колени.

Внутри лежала небольшая горстка сувениров с ярмарки: пластиковый браслет, несколько выцветших бумажных билетов и старое черно-белое фото. Сначала Кристин рассмотрела фото. Типичный дрянной ярмарочный снимок в сепии – в исторических костюмах, перед нарисованным фоном. Кристи-Линн провела пальцем по лицу Шарлен Паркер.

Та красовалась в боа и безвкусной шляпке со страусиными перьями, игриво наклонив голову. Рядом с ней радостно улыбалась юная Кристи-Линн – передние зубы слишком велики для двенадцатилетнего лица. Она выбрала из затхлой коробки расшитую блестками повязку, потому что хотела быть похожей на тусовщицу из ревуших двадцатых и потому что это подходило к костюму ее матери. Но сейчас внимание Кристин привлек кулон, висящий на шее матери, – когда делали снимок, на ней самой была его зеркальная копия.

У Кристи-Линн снова встал в горле ком, когда она вытряхнула из конверта на ладонь кулон, вспоминая тот вечер, когда выкинула его в помойку и снова достала. За годы хранения он потускнел – вполне справедливо, если учесть, как все сложилось. Кристи-Линн раздраженно смахнула слезы, внезапно размывшие зрение, напоминая себе, что это слезы маленькой девочки, а она больше не маленькая девочка. Той девочки уже давным-давно нет.

Десять

*Ладсон, Южная Каролина.
27 октября 1995 г.*

В городе проходит ярмарка – вернее, в Ладсоне, что практически то же самое. В школе все только об этом и говорят. Сколько они накопили карманных денег. На какие пойдут аттракционы. Сколько слопают восхитительно жирной еды, которой их, скорее всего, потом вырвет.

Все это звучит восхитительно.

Но Кристи-Линн не собирается даже тешить себя напрасной надеждой. Нужны деньги, чтобы войти, деньги на аттракционы, деньги на корн-доги и пироги. И копить ей их было не с чего. Поэтому ее так удивляет, когда в субботу утром мама заходит в ее комнату в джинсах и толстовке вместо униформы «Пиггли Виггли».

– Одевайся. Скоро выезжаем.

Улыбка матери почему-то нервирует Кристи-Линн.

– Куда выезжаем?

– Скоро узнаешь, – подмигивает Шарлен и исчезает в коридоре.

Кристи-Линн пищит от восторга, когда ее мать заезжает в ворота ярмарки. Парковка заставлена, и им приходится оставить машину за пределами площадки, там, где размечено конусами поле. Дорога ко входу кажется практически бесконечной, но Кристин плевать. Они на ярмарке!

Ее шокирует, когда они наконец подходят к кассам и ее мать достает из заднего кармана толстую пачку денег. Кристин никогда не видела столько денег сразу – и тем более в руках у матери. Глаза Кристин расширяются от изумления, когда Шарлен Паркер отсчитывает несколько купюр и протягивает скучающему кассиру.

– Где ты столько взяла? – спрашивает Кристи-Линн, когда им на руки надевают пластиковые браслеты.

Мать отводит взгляд, засовывая оставшиеся купюры в задний карман.

– На работе. А ты что подумала?

– Но мне казалось...

– Цыц! – шикает на нее мать. – Ты хочешь пойти или как?

Кристи-Линн проглатывает остальные вопросы и кивает. Она определенно хочет пойти.

Сначала, для разогрева, они идут на колесо обозрения, а потом перемещаются на карусель, гравитрон и американские горки. Когда они выходят с последнего аттракциона, все вокруг плывет, и у Кристи-Линн кружится голова от картин и звуков. Они едят барбекю и картошку с сыром, масляные фанел-кейки с сахарной пудрой и запивают все ледяным лимонадом.

После обеда ее мать находит палатку, где продают пиво в пластиковых стаканах. Они сидят за столиком под большим белым тентом, пока она пьет пиво, а потом еще одно. После третьей порции они отправляются к выставочным палаткам: выездка, родео, кулинарные поединки и конкурс на самый большой помидор. Ее мать не проявляет ни к чему интереса. Но когда они подходят к палатке местных ремесленников, она быстро шагает внутрь.

Она наклоняется над столиком с дешевой бижутерией и берет за набор браслетов, отделанных пластиковой имитацией бирюзы. Потом поднимает серебряное кольцо с гравировкой, ненадолго надевает на большой палец и возвращает на черный бархатный поднос.

В ее взгляде появляется незнакомая Кристи-Линн задумчивость, словно мать размышляет о вещах, которых у нее никогда не будет. Кристи-Линн отводит взгляд, скрывая от матери, что заметила ее грусть, но снова поворачивается, почувствовав ладонь на своей руке.

– Кристи, милая, только взгляни. Тут кулон для мамы и дочки!

Кулон висит на ее пальцах, ярко сверкая в лучах вечернего солнца. Он в форме разделенного на две половины сердца, и у него две цепочки вместо одной. Кристи-Линн не сразу понимает, в чем смысл.

– Они разъединяются, – объясняет ей мать. – Видишь? Тут, посерединке. – Она переворачивает его и протягивает Кристи-Линн. – Смотри! Сзади написано «Друзья навек». Это же мы... Друзья навек. – Мать смотрит на ценник и протягивает вещьцу продавцу. – Берем.

– Но, мама, ты говорила...

– Тише, дай мне расплатиться. – Она уже лезет в задний карман за пачкой купюр. Продавец отсчитывает сдачу и снимает бирку. Когда он достает маленькую коробочку, Шарлен его останавливает: – Коробка не нужна. Мы их сразу наденем. Давай, дорогая, приподними волосы.

Кристи-Линн выполняет просьбу, продолжая гадать, как ее матери удалось скопить достаточно денег, чтобы заплатить за вход и тем более купить украшение. Цепочка непривычно холодит кожу. Кристи-Линн смотрит, как мать надевает свою половинку кулона и берет со стола зеркальце.

– Мы никогда не будем их снимать, – с удивительным запалом заявляет Шарлен, глядя на их отражения. – Что бы ни случилось, как бы плохи ни были наши дела, мы навсегда останемся двумя частичками одного сердца. Друзья навек.

Кристи-Линн кивает, растерявшись от взволнованных интонаций. Или отчаянных. Она точно не понимает и боится разрушить магию этого идеального дня. Друзья навек. Слова порхают в голове, словно крылья бабочки. Кристин застенчиво прикасается к блестящей половинке сердца на шее – ее первое в жизни украшение. Мать улыбается и делает то же самое, и в это мгновение Кристи-Линн чувствует рывок в груди, словно между ними протянута невидимая веревка – между двумя частичками одного сердца.

Она запомнит этот день на всю жизнь.

Одиннадцать

*Свитвоотер, Вирджиния.
12 декабря 2016 г.*

Уэйд откинул голову назад, чтобы рассмотреть небо – безоблачное, холодное и синее, – а потом вытянул ноги на неровном дне старого кедрового каноэ. Поморщившись, он провел по странице очередную красную линию и подписал на полях: «*Усилить или ослабить воспоминание?*» А может, стоит просто выбросить бумаги в воду и со всем покончить? Он раздраженно потянулся за зеленым дедовским термосом и налил себе чашку крепкого черного кофе.

У старика ушло три лета, чтобы закончить лодку, и Уэйд постоянно крутился рядом, разглядывая каждую доску, нетерпеливо дожидаясь высыхания каждого слоя эпоксидной смолы. Три лета казались вечностью для изготовления простого рыбацкого транспорта. Но однажды, когда Уэйду совсем надоело ждать, дедушка объяснил: когда-нибудь он будет рыбачить в этом каноэ со своими детьми, поэтому лодка должна быть крепкой и долговечной.

И она сохранилась, спрятанная под верандой, защищенная от стихии несколькими слоями синего брезента. Уэйду оставалось только смахнуть паутину и установить сиденья. Интересно, что бы подумал дедушка, если бы увидел его теперь – холодным декабрьским утром, без удочки, катушки и коробки мушек, но со стопкой помятых страниц и красной ручкой.

Обычно он не редактировал на бумаге, как, впрочем, и в лодке, но отчаянные времена требовали отчаянных мер. Он обтесывал и перекраивал одни и те же четыре главы уже неделю, и все равно что-то было не так. Уэйд понадеялся на смену обстановки, но тщетно. Ему нужна свежая пара глаз.

В такие моменты всегда помогала Симона. Если он чувствовал, что застрял, запутался в нескольких строчках, то протягивал ноутбук ей. Она никогда не предлагала пути решения – их стиль слишком сильно отличался, – но всегда точно указывала, где он оступился.

Ему этого не хватало.

Черт, ему не хватало многого. Близкого человека рядом, когда он открывал глаза или, напротив, когда он садился есть, кого-то, кто заполнял бы тишину, порой перегруженную воспоминаниями. Мысль застала его врасплох. Не угрюмостью, а формулировкой. Не Симоны. «*Кого-то*». Кого-нибудь. Он действительно так чувствует? И правда начинает отпускать?

Вместе с вопросом его поразило неприятное осознание. Когда он отпустит бывшую жену, утраченные отношения, его жизнь станет еще более пустой. Горечь, за которую он так держался, сменится... Ничем.

Так ли это плохо? Забыть острую боль дня, когда он вернулся домой в пустую квартиру? Конечно, неожиданностью это не стало. У них давно возникали разногласия, но ситуация резко ухудшилась, когда он собрался покинуть «*Уик ин ревью*» ради того, что Симона презрительно называла пустой мечтой. Но дело было даже не в деньгах. Сейчас, оглядываясь назад, он понимает – деньги всегда были ни при чем. Симоне всегда было мало Уэйда. Как и Кевина. Или Тодда. Или Филипа. Возможно, шишка из новостей с красивыми волосами подойдет лучше.

Двенадцать

*Свитвотер, Вирджиния.
12 декабря 2016 г.*

Кристи-Линн брела по центральной улице, спрятав руки в карманы. Последние мягкие осенние деньки сменились зимним холодом, и праздничный сезон в Свитвотере стремительно набирал обороты. На всех фонарных столбах сияли гирлянды, и маленькие белые огоньки дарили ощущение сверкающей зимней сказки.

Но особого внимания Кристин на это не обращала. Была слишком занята, разбираясь с последствиями своего брака. После беглой проверки финансов стало ясно – даже если «Ллойд энд Гриффин» больше не продадут ни одного романа Стивена Ладлоу, денег более чем достаточно, чтобы безбедно жить... Целую вечность. Но на самом деле Кристин сомневалась, хочет ли вообще эти деньги. Они казались какими-то испорченными, заработанными мужчиной, которого она на самом деле не знала. То, чего она хотела – в чем *нуждалась* – на самом деле, так это избавиться от любых напоминаний о браке со Стивеном, стереть его, как уже много раз стирала ужасы из прошлого.

Может, стоит отдать все на благотворительность? Или организовать какой-нибудь фонд? Но от чьего имени? Стивен явно не заслуживал посмертного звания филантропа. Может, анонимное пожертвование? Надо подумать. А пока следует связаться с риелтором и выставить дом на продажу. Она пока не знала, где хочет поселиться, – Мисси радушно принимала ее в гостинице, и Кристи-Линн было там вполне уютно. Даже слишком уютно.

Она чувствовала, как приживается, становится частью повседневной жизни Свитвотера и постепенно сближается с Мисси и Дар. Вчера вечером они пригласили ее на ежегодную церемонию зажигания рождественской елки, а потом – на пирог с кофе. Вечер получился чудный, но Кристин постоянно чувствовала, что злоупотребляет их расположением, скрывая свою настоящую личность – и истинные цели поездки в Свитвотер.

Кристин продолжала следить за новостями, заглядывая в интернет и включая телевизор раз в несколько дней. Похоже, суматоха из-за ее исчезновения начала стихать, во многом благодаря новой откровенной записи какой-то звезды реалити-шоу. Если снимки прорвавшегося к ее дверям журналиста где-то и появились, она их так и не увидела. И теперь, стоя перед местным книжным и глядя на свое отражение в пыльной витрине, Кристин задалась вопросом – не пора ли двигаться дальше?

Она не могла расслабиться. И сосредоточиться ни на чем не получалось. На прошлой неделе завершился последний из ее текущих издательских проектов, и она решила пока не браться за новые. Внезапно жизнь пугающе опустела.

Резкий стук вернул Кристи-Линн в реальность. Она повернулась и увидела в витрине Кэрол Бойер – та размахивала стопкой влажных бумажных полотенец, пытаясь привлечь внимание. Кристи-Линн улыбнулась и помахала в ответ. Кэрол была хозяйкой «Крукед Спайн» – захолустного углового магазинчика с устаревшими изданиями в витрине и маленьким кафе, где Кристи-Линн провела не один вечер, потягивая дрянной латте и печатая редакторские заметки. Но магазинчик казался неотъемлемой частью старомодных центральных улочек Свитвотера.

Кэрол с заговорщицкой улыбкой пригласила Кристин внутрь и повела к кафе.

– Я экспериментирую, – гордо объявила Кэрол и скользнула за стойку. – Пытаюсь придумать что-нибудь праздничное для каникул, и, кажется, наконец получилось. Я знаю, как ты любишь мой латте, но, может, попробуешь и выскажешь мнение? Я назвала это ноггиато.

Через несколько мгновений Кэрол поставила на прилавок кружку с пенкой, посыпанной мускатным орехом.

– Вот, – улыбнулась Кэрол. – Попробуй.

Кристи-Линн вежливо сделала глоток и постаралась не скривиться. Напиток напоминал подгоревший эгг-ног и был таким сладким, что болели зубы, но она не хотела разрушать надежды Кэрол.

– Очень... празднично, – отметила Кристин, стараясь придать голосу восхищение. – Уверена, среди клиентов он станет настоящим хитом.

Кэрол печально оглядела пустой магазин. Ее плечи опустились.

– Каких клиентов?

– Тихий вечер?

– Скорее, тихий год. Уже середина декабря, две недели до Рождества, а никто не заходит по несколько часов подряд. Не знаю, что и думать. Я держу этот магазин уже двадцать шесть лет, и такого никогда не бывало. Видимо, люди просто больше не хотят читать бумажные книги. Предпочитают электронные штуки.

Разглядывая потертый ковер, драные кресла и облупившиеся полки, Кристи-Линн предположила, что дело не только в электронных книгах. Возможно, когда-то местечко было уютным, но теперь напоминало заплесневелый подвал.

– Возможно, стоит немного освежить интерьер, – предложила она. – Чуть-чуть, косметически.

Кэрол нахмурилась.

– Косметически?

Кристи-Линн не выдержала и захихикала.

– Это такое выражение. Значит, нужно немножко все подправить. Немного краски. Ковер. Возможно, новые стулья. Еще можно украсить кафе. Скатерти, цветы. Можно обойтись малыми тратами.

Кэрол сняла очки и протерла их краем фартука.

– Это просто не мое, – устало призналась она. – Дело не в деньгах. Я просто... устала. – Она рассмотрела очки на свету и снова надела на переносицу. – Мне семьдесят четыре, и у меня двое внуков во Флориде, которых я практически не вижу. Но это место было частью моей жизни – частью этого города – почти тридцать лет. – Кэрол переместилась за прилавок и принялась наполнять раковину горячей водой. Очки запотели, и глаз стало почти не видно. – Знаю, звучит глупо, но я ужасно не хочу, чтобы оно исчезло.

– Но оно останется здесь. Тебе не нужно закрывать его. Можно просто продать.

Кэрол фыркнула и закрыла кран.

– Кто его купит?

Кристи-Линн уже хотела предложить контакты агента, но передумала, оценив вероятность найти покупателя на захудалый книжный магазин с устаревшим ассортиментом и отсутствием клиентов. Если добавить, что он находится в маленьком городке, о котором почти никто не слышал, список потенциальных покупателей значительно сократится.

– Как насчет меня? – вырвалось у Кристи-Линн. Ответ возник внезапно, словно из ниоткуда, но она говорила совершенно серьезно.

Кэрол глянула на нее сквозь запотевшие линзы.

– Шутишь?

Кристи-Линн ненадолго задумалась. Да, это абсурд и глупость. Но почему бы не купить книжный и не остаться в Свитвотере? Она любит книги, сколько себя помнит, и ей нужно чем-то заниматься.

– Вовсе нет, – наконец ответила Кристин. – Если ты хочешь.

– Не знала, что ты подумываешь здесь остаться.

– Кажется, я и сама не знала. Но я раздумывала, чем и где хочу заниматься. И, кажется, Свитвотер мне подходит.

Кэрол разинула рот, словно она только что подняла камень и нашла под ним лотерейный билет на миллион.

– Тебе правда интересен мой магазинчик?

Кристи-Линн удивилась не меньше Кэрол, когда поняла, что действительно заинтересована. На самом деле мысль ее взбудоражила.

– Думаю, все книголюбы иногда мечтают о чем-то подобном, но я на самом деле подрабатывала в книжном, когда училась в колледже, и мне очень нравилось.

– Сможешь привести его в порядок, как считаешь?

Кристи-Линн снова оглядела помещение, на этот раз придирчивее. Времени потребуется уйма, но ей как раз особо нечем заняться.

– Думаю, да, – наконец заявила она, уже продумывая детали. Нужно будет все обновить – полы, освещение, полки. Кафе тоже придется полностью переделать, а еще нанять бариста, который умеет готовить приличный латте. Ассортимент серьезно нуждается в обновлении, и нужно добавить детский отдел, но в целом у места определенно есть потенциал.

– У меня есть несколько задумок, как привлечь новых покупателей.

Кэрол покачала головой, застигнутая врасплох внезапной переменой в собственной судьбе.

– М-да, удивительное дело. Не думала, что кто-нибудь правда захочет купить это место. Я даже не представляю, сколько оно может стоить. В основном, конечно, помещение. Ты сможешь... Как думаешь, у тебя получится взять кредит на бизнес?

Кэрол явно смутил столь откровенный разговор, хотя она задала вполне резонный вопрос. Только вот как на него ответить? *«Не беспокойся, погибший муж оставил мне миллионы»* — прозвучит весьма неожиданно и вызовет шквал нежелательных вопросов.

– Думаю, все разрешимо, – осторожно ответила Кристин. – У меня отложена определенная сумма, и кое-что полагается по страховке. Я не хочу на тебя давить, но, если ты настроена серьезно, подумай, сколько хочешь за помещение и инвентарь, и мы займемся вопросом вплотную.

Кэрол медленно кивнула, глядя в пустоту.

– Договорились. Пожалуй, позвоню дочери, скажу, чтобы освободила пустую комнату.

Час спустя Кристи-Линн зашла в холл «Файф энд Фезер», чувствуя себя почти так же растерянно, как Кэрол в момент их расставания. За стойкой регистрации появилась улыбающаяся Мисси с тарелкой свежего печенья.

– Вот ты где. А я гадала, куда ты запропастилась. Сегодня вечером мама поведет мальчиков в кино, и я думала сходить поесть пасты. Хочешь... – Мисси осеклась. – Что такое? Ты словно призрака увидела.

Кристи-Линн оцепенело покачала головой. Мудро ли будет делиться новостями? Кэрол может еще передумать. Или ее дочери не понравится, что мать хочет постоянно жить в ее доме. Мысли встревожили Кристи-Линн – по дороге домой идея покупки понравилась ей еще сильнее.

Мисси поставила тарелку и вышла из-за стойки.

– Дорогая, скажи что-нибудь. Ты меня пугаешь.

– Все хорошо, – тихо ответила Кристи-Линн. – Даже очень.

– Я не понимаю, что это значит.

– Это значит, что скоро ты лишишься гостя.

Тревога на лице Мисси сменилась огорчением.

– Ты уезжаешь из Свитвотера?

Кристи-Линн не смогла сдержать ухмылки.

– Нет, но мне нужно постоянное место жительства. Кажется, я только что купила книжный.

Тринадцать

*Свитвотер, Вирджиния.
31 декабря 2016 г.*

«Фикл Пикл» уже заполнила обеденная толпа, но Кристи-Линн удалось занять столик у окна. Она пила чай, любовалась небом и ждала Мисси. Прогноз погоды обещал целых семь сантиметров снега – в Мэне это восприняли бы как весенний дождик, но местные побежали запасаться молоком и хлебом.

Вечерние празднования, скорее всего, тоже отменятся. Хотя у Кристин особых планов и не было. Среди остальных бессмысленных праздников Новый год всегда был для нее на первом месте. Напускное веселье, скучные обещания, сосредоточие всех надежд в единственном ударе часов всегда казались ей удивительной наивностью.

Но не в этом году.

Впервые в жизни Кристин действительно ждала полуночи, и ей не терпелось начать работы в магазине. И скоро у нее появится собственное жилье. Она пришла в восторг, когда узнала, что, помимо магазина, Кэрол Бойер собиралась продавать дом, маленький коттедж, построенный в двадцатых годах прошлого века, стоящий на берегу ручья Свитвотер. В гостинице было чудесно, и дружба Мисси оказалась неожиданным везением, но настала пора пустить корни.

Обе сделки должны были завершиться в ближайшие недели, и Кристин надеялась открыть магазин в апреле, может, даже раньше. Ей нравилась идея весеннего открытия. Очень символично – в сезон роста и обновления. Время заканчивать старые главы и писать новые. Она глянула на запястье, на три шрама в форме полумесяца – они с ней уже больше двадцати лет. Можно ли надеяться на новое начало, обусловленное личным выбором, а не катастрофой? Кристин не знала, но очень хотела выяснить.

Кристи-Линн прогнала мысли и помахала рукой вошедшей Мисси. Та выглядела уставшей и измученной, когда размотала шарф и упала в кресло напротив Кристи-Линн.

– Прости, что опоздала. В посудомойке прохудилась прокладка, ну или шланг, точно не знаю. Я провела все утро в борьбе с наводнением. Вот тебе и выходной. О, прекрасно, наша официантка идет. Умираю с голоду. – Мисси поиграла бровями. – Подумываю о сэндвиче с тунцом и старом добром макаронном салате. Последний шанс запастись углеводами перед завтрашней диетой. Кстати, какие планы на сегодня? Где будешь веселиться?

Кристи-Линн не смогла сдержать улыбки. Ее каждый раз изумляла бездонная энергия Мисси. Кристин собиралась ответить на вопрос, но подошла официантка с блокнотом. Когда они снова оказались наедине, Мисси повторила вопрос:

– Итак, сегодня?

– Никаких планов. Наверное, просто почитаю или подумаю над меню своего кафе.

– Приходи к нам. Я жутко расстроилась, что ты не пришла к маме и папе на Рождество. Никто не должен быть один в Рождество.

– Говорю же, я не хотела вам мешать. И вообще не люблю Рождество.

Мисси изумленно покачала головой:

– Не понимаю. Как можно не любить Рождество? Все такое праздничное, нарядное.

Музыка, украшения и вкусная еда.

Кристи-Линн опустила взгляд, поправляя на коленях бумажную салфетку.

– Скажем так: мы с духом прошлого Рождества никогда не были особо близки.

– Сочувствую, – тихо сказала Мисси. – Иногда я забываю, как болезненны праздники для некоторых людей. Не хотела беречь плохие воспоминания.

– Ничего, – отозвалась Кристи-Линн, орудуя ножом и вилкой. Она чувствовала, как Мисси изучает ее, ждет продолжения истории, и от этого стало не по себе.

Дело было не в том, что под елкой Кристин никогда не появлялись велосипеды или игрушечные плиты, и даже не в том, что у нее вообще *не было* елки. А в неуловимых деталях: например, когда мама и дочь пьют вместе какао, пекут печенье, развешивают гирлянды и носки. В моментах, которые большинство людей воспринимают как должное.

Ее воспоминания состояли из одинокого поедания перед телевизором готовых обедов или макарон с сыром, пока ее мать работает в местном баре, смешивая напитки за чаевые, а потом приходит домой и вырубается на полу в ванной. О подобных вещах не пишут рождественских гимнов и не рисуют открыток.

– Скажи, что придешь сегодня, – продолжала уговаривать Мисси. – Будет весело.

– Ой, я не могу. Я...

– Почему не можешь? Будем только мы с мальчиками, и они вырубятся в девять. Закажем китайскую еду из «Лотоса» и наделаемся шампанского. – Она ухмыльнулась. – Ладно, шампанского наделаюсь я, а ты размякнешь от сладкого чая, и будем пускать слюни на очаровательного, но недоступного Андерсона Купера. Будет весело! Точно лучше, чем придумывать меню для кафе. И познакомишься наконец с моими мальчишками. Скажи, что придешь.

– Хорошо, – нерешительно протянула Кристи-Линн. – Только потому, что там будут парни.

И потому что это явно лучше неизбежного новогоднего погружения в воспоминания.

Четырнадцать

Монкс Корнер, Южная Каролина.

1 января 1998 г.

Кристи-Линн садится, тяжело моргая в мерцающем голубом полумраке гостиной. Телевизор работает, но звук выключен. Так она засыпает в большинство вечеров, свернувшись на диване из искусственной кожи – на случай, если мама вернется домой и ей понадобится помощь.

Кристин трет глаза и смахивает с лица волосы. На экране нарядные люди в бумажных колпаках обмениваются поцелуями под дождем из шариков и конфетти – повтор, догадывается она, когда картинку сменяют аналогичные сцены со всего мира. Наступил новый год. Но изменится не многое. Во всяком случае, к лучшему.

Интересно, каково это – быть посреди всей этой эйфории и действительно иметь повод для праздника? Вести жизнь, в которой можно планировать, а не бояться. Кристин так устала бояться. Устала от разочарований и ежедневных маленьких катастроф. Сгоревших на плите кастрюль. Прожженного сигаретами белья. Нехватки денег на аренду. Очередной потерянной работы. А потом еще одной. И оправданий. Кристин уже слышала их все. Всегда виноват кто-то другой. Она уже давно не считает их. Давно перестала. Но это утомляет.

Мысль мгновенно улечивается, когда в окно проникают звуки – глухой удар автомобильной двери и сдавленное хихиканье. Ее мать вернулась, и, судя по всему, не одна. Кристи-Линн привычно смотрит на часы на плите. Два тридцать. Она сегодня рано.

Через секунду распахивается дверь, и в дом вваливается Шарлен Паркер, сдерживая хихиканье и шикая на спутника. Пошатываясь, она стоит в клубах сигаретного дыма и алкогольных паров. При свете телевизора она напоминает жуткого призрака в узких джинсах, черной майке и с соскользнувшей с плеча бретелькой бюстгалтера.

– Ой, – моргает мать, глядя на Кристи-Линн, словно только что вспомнила о существовании дочери. – С Новым годом, детка! – Слова звучат в тишине хрипло и резко. – Помнишь Джейка из байкерского магазина? Мы праздновали!

Кристи-Линн переводит взгляд на Джейка – высокого и худого, в замызганных джинсах и черном кожаном жилете, но вспомнить не может. Прошлой ночью тут был Рэнди. Завтра будет кто-то еще. Они никогда не остаются надолго.

– Ты поужинала? – спрашивает Шарлен, теребя сумочку, которая вот-вот сползет с плеча.

Кристи-Линн посещает искушение спросить мать, не собирается ли та готовить, но она отказывается от этой мысли. В нынешнем состоянии Шарлен уже почти ничего не сообщает.

– Мама, сейчас полтретьего ночи, – устало сообщает Кристин. – Я поела несколько часов назад.

– А, – бормочет Шарлен. Скорее выдох, чем ответ. Вытаращенные глаза смотрят пустым, невидящим взглядом. Скоро она свалится. И Кристи-Линн не хочет, чтобы Джейк, или Джейк, или как его там, был в этот момент рядом.

Она решительно слезает с дивана, подходит к матери и берет ее за худую руку.

– Я о ней позабочусь, – бросает Кристин мужчине в грязных джинсах. – Можете идти. Во взгляде мужчины появляется упрямство, он вытягивает грудь. Но он слишком пьян, чтобы удержать позу, и постепенно приваливается к дверной раме.

– Я что, похож на гребаного таксиста? Мы собирались отметить Новый год.

Кристи-Линн смотрит на него, сдерживая дрожь.

– Примерно через три минуты моя мать упадет на пол, и, если вы не планируете при этом присутствовать, лучше подыскать другое место для празднования.

Ей плевать, что он пьян и собирается обратно за руль или что он вполне может закончить сегодняшний вечер, обернувшись вокруг дерева. Она просто хочет, чтобы он уехал и вечер закончился.

– Ну а ты? – небрежно бросает он, делая шаг вперед. – У меня кое-что есть в машине. Можно...

– Уходите, – резко перебивает его Кристи-Линн. – Немедленно. Или я вызову полицию.

Разумеется, полицию вызвать она не может. Телефон отключен уже несколько месяцев.

Но Кристин надеется, что мужчина слишком пьян для дальнейших препирательств.

– Я серьезно. Уходите, или сюда приедут копы.

Он стоит на месте, кажется, целую вечность и разглядывает ее мутным взглядом, словно пытаясь рассудить, стоит она того или нет. Кристи-Линн подается назад и готовится издать душераздирающий крик, если он хоть слегка качнется в ее сторону. Рядом с ним неустойчиво пошатывается ее мать. Скоро придется сделать выбор: удерживать мать от падения на пол или обороняться от говнюка в жилете. А потом он, к счастью, сдается.

– Заносчивая сучка, – бормочет он, распахивает дверь и чуть ли не вываливается за порог. – Передай матери, она мне должна. Повторяю, я не такси.

Несмотря на годы практики, уложить Шарлен Паркер в постель – задача не из легких. Навишись, она начинает плакать, скулить, умолять о прощении и громко всхлипывать. Но между рыданиями и забытьем всегда наступает момент затихенья. Этого просвета Кристи-Линн и ждет. С одеждой она не заморачивается, просто укладывает Шарлен прямо в ботинках, накрывает одеялом, выключает свет и ставит мусорное ведро поближе к кровати – на всякий случай.

Кристин уже собирается уйти, когда замечает непривычную пустоту на шее матери. Рука сжимает висящий на груди кулон в виде половинки сердца.

– Мама... Где твой кулон?

Ответа нет, как и любой другой реакции. Кристи-Линн трогает, а потом трясет мать за плечо.

– Мама?

Шарлен приоткрывает глаза и обводит комнату мутным взглядом.

– Что случилось с твоим кулоном? – Голос Кристи-Линн становится жестче, она уже заранее знает ответ.

– Изи-стрит... «Койн...» Что-то там... – невнятно бормочет Шарлен, но Кристи-Линн все понимает.

– Ты заложила свою половину?

– Была должна Мике... – Мать поднимает руку и делает невнятный взмах, а потом роняет ее, словно это крыло подбитой птицы... – Он бы не...

Фраза обрывается, но Кристи-Линн больше и не нужно ничего слышать. Он бы не дал ей больше того, что она сейчас имеет.

– Ох, мама...

Шарлен снова открывает остекленевшие глаза. Она зевает, наклоняет голову, тянется к руке Кристи-Линн и гладит ее, словно щенка.

– С Новым годом, детка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.